

18+

it's all

ТВОЯ ЖЕСТОКАЯ ЛЮБОВЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЮЛИЯ ГАУФ

Юлия Гауф

Твоя жестокая любовь

«Автор»

2023

Гауф Ю.

Твоя жестокая любовь / Ю. Гауф — «Автор», 2023

Он должен был стать моим братом, но стал проклятьем. Влад – родной, нелюбимый сын. Я – приемная дочь, невольно разрушившая весь его мир. Влада воспитывал отец, меня мать, и спустя одиннадцать лет он вернулся – моя первая любовь, и мой ночной кошмар. Вернулся, чтобы сломать мою жизнь, растоптать своей жестокой любовью.

© Гауф Ю., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Юлия Гауф

Твоя жестокая любовь

Глава 1

– Что это за убожество? Сними немедленно!

Подруга изящно указала мизинчиком на мое декольте, где, с немим укором сверкает недорогими китайскими стразами кулон в виде стрекозы – совсем дешевый, и несмотря на то, что новый, уже потрепанный жизнью.

– А мне нравится. И вообще, это подарок. Остынь, Кать, – начала я спорить из упрямства. Очень уж любит подруга кичиться тем, что мудрее, раз уж ей посчастливилось родиться на год позже меня.

Более старшая и более мудрая. Угу, как же!

– И чей же это подарок? Дай угадаю. Кирилла, да?

– Ну и что?

– А то, – Катя наставительно подняла указательный палец вверх, – что жмот он. С такой мордашкой, как у тебя, могла бы и получше найти. Не такого экономного, который китайщину дарит.

– Кирилл не мой парень. И вообще, давай тему сменим, мы, итак, редко видимся в последнее время, не хватает еще поругаться.

Кирилл, и правда, не мой парень. К сожалению, или к счастью, времени на обычные развлечения у меня нет, и никогда не было. Но помечтать-то мне никто не может запретить?!

– Как тетя Надя? Ей стало хоть немного лучше?

Катя, как я и просила, сменила тему, но выбрала еще более худший вариант.

– Маме хуже стало. И, Кать, я так устала: ее из реанимации в палату переводят, а затем обратно. И этому конца и края нет – становится немного лучше, а затем ухудшение. Шаг вперед, два шага назад... прости, – прикрыла лицо руками, прячась от взгляда подруги. – Накипело у меня, а пожаловаться некому. Но я не могу так больше.

– Сочувствую, – искренне вздохнула подруга. – Но, Вера, ты не должна сама на себе все тащить. Не должна, понимаешь? Почему вы обе должны в нищете барахтаться, и лечиться в этих жутких больницах, тогда как у твоих отца и брата денег куры не клюют?

Ну вот, началось!

– Отца и брата у меня нет. Это чужие люди, – отрезала я.

Этот разговор повторяется из раза в раз. Одни и те же фразы мне твердили и соседи, и лучшая подруга: почему я не попрошу помощи? Наверное, пора ответить.

– Не чужие! Да, тебя удочерили, но ты имеешь полное право...

– Да просила я у них деньги! Мама против была, заставила поклясться, что не стану связываться с ними, но я просила, – в горле комок стоит от обиды – былой, и настоящей. – Нашла страничку Влада в соцсети, и написала ему, рассказала о нашей с мамой проблеме.

– И?

– Он даже не прочитал мое сообщение, – голос скрежетал, пока я рассказывала об этом унижении. – Но я и на этом не успокоилась, и написала Евгению Александровичу...

– Своему отцу, ты хочешь сказать?

– Еще раз говорю: он мне не отец. Но да, ему. Написала, думала, что проигнорирует. Даже надеялась на это, если честно. Вот только он ответил. К сожалению. – прикрыла глаза, вспоминая, какой я была идиоткой: сидеть, сложа руки казалось невозможным, но и их помощь

принять было бы отвратительно. – Евгений Александрович попросил более его не тревожить, и устроиться на работу, а не сидеть на чужой шее. И это все.

Катя с отвратительно громким звуком поставила передо мной чашку кофе, в который плюхнула два кусочка рафинада. Затем снова опустила напротив меня, и сцепила руки в замок.

– А давай к журналюгам обратимся? Думаю, это будет жирный репортаж: как бывшую жену и приемную дочь самого Евгения Гарай бросили прозябать в нищете...

– Мы не нищие! – возмутилась я.

– Ну да, конечно, вы охренеть, какие миллионерши. Но ты ведь понимаешь, что это может помочь? Расскажи людям о том, как провела детство в детдоме. Расскажи о том, что в новой семье тебя лишь мать приняла. Как через несколько лет вас бросили. Как мать заболела, и ты вынуждена работать за копейки, тогда как они сами черной икрой завтракают, которую не на хлеб намазывают, а ложкой черпают, да трюфелями закусывают. После этого скандала твой... хммм, Евгений Александрович даст деньги и на лечение тети Нади, и на вашу с ней безбедную жизнь. Он обязан.

Помешала кофе, растворяя в нем сахар, и не торопилась отвечать на этот эмоциональный спич. Катя в своем репертуаре – поучает, наставляет и засовывает свое мнение в глотку, хотя я об этом не просила. Как и советов ее, ведь я прекрасно знаю – ни Евгений Александрович, которого я ни разу не смогла папой назвать, ни Влад на уступки не пойдут. Плевать им обоим на скандал.

Найдут способ заткнуть! Да и репутация эта, о которой я лишь из книг да фильмов голливудских слышала, может быть им глубоко безразлична. В реальности до репутации дела никому нет. По крайней мере, на просторах нашей необъятной Родины.

– Или тебе не дорога мама, что ты за свою шкуру боишься? – воинственно продолжила возмущаться подруга.

– Кать, я бы на что угодно пошла. В том числе, и на это, но... ничего не выйдет. У кого деньги – тот и прав, скандал затихнет, не успев начаться. Ну напишет парочка местных журналистов статьи о нас с мамой, а затем их купят. И заставят напечатать опровержение.

Или что похуже сделают, только уже со мной. И судебный иск – меньшее, что я готова представлять, чтобы беду не накликать. Ничего я не приобрету, лишь потеряю.

– Все-равно, я считаю, что ты зря опускаешь руки! – упрямо сказала Катя.

Спорить не хочется. Подруга, хоть и не из богатой семьи, но росла любимым, обласканным ребенком, не привыкшим к отказам. Я же, как и любая сирота, к ним притерпелась. И несмотря на то, что в восемь лет Надежда Гарай, на которую я молиться была готова, забрала меня к себе, и попросила называть мамой, по мере сил баловала меня, я помню все, что было до этого.

– О-па, ты не поверишь, – Катка оторвалась от смартфона, и посмотрела на меня расширенными от восторга и искреннего удивления глазами. – Влад вернулся. Он здесь, у нас.

– Влад, который...

– Твой брат, да, – тараторит Катя, и почти силой вкладывает мне свой телефон в руку. – Читай!

«... Владислав Гарай – молодой наследник многомиллионного состояния, как выяснилось, никогда не забывал о малой Родине. И в скором времени будет открыт филиал компании, который даст множество рабочих мест для жителей родного для Владислава города.

Мы, в свою очередь, надеемся лишь на то, что работать в компании будут именно наши специалисты, а не столично-заграничные. А также на то, что Влад не покинет город, наладив работу предприятия. Нам такие люди нужны!»

– Бред какой-то, – растерянно разглядываю фото, на котором наш пузатый, приземистый мэр жмет руку молодому светловолосому мужчине, стоящему боком к фотографу. – Да быть этого не может! Что ему здесь делать? Он всегда ненавидел наш город. Фэйк.

Вернула Кате телефон со смешным наклеенным зайцем, встала со стула, и подошла к немного грязному окну. И вид из него далеко не на Манхэттен открылся: обычный, не слишком большой, но и не слишком маленький город с унылой архитектурой, типовой застройкой, которую оккупировали пивнушки и рестораны быстрого питания. По сравнению с деревней – мегаполис, по сравнению с Москвой – убогая провинция.

Нечего Владу, как и его отцу здесь делать.

– Почему ты так категорична?

– А ты вспомни, сколько раз в месяц наши газеты и новостные паблики вспоминают про Евгения и Влада Гарай? – обернулась к подруге и иронично приподняла бровь. – Сколько наших в люди выбилось: мои «папа» и «брат», и олимпийская чемпионка Евсеева – вот и все наше достояние. Надоело уже читать про них. И про возвращение их в родные стены писали не единожды, но...

Развела руками и замолчала.

– Я бы на твоём месте проверила. Если Влад вернулся, и если деньги на открытие филиала у него есть, то и на лечение матери он найдет средства, – упрямо сказала Катя на прощание.

– Скорее, я получу пинок под зад, – сказала я сама себе, так как дверь в Каткину квартиру уже закрылась.

Иду, привычно перепрыгивая лужи, и ловлю иногда осуждающие, иногда равнодушные взгляды окружающих. Так странно, что незнакомые, по сути, люди могут неодобрительно качать головами, если им не нравится твоя походка, или манера себя вести. Неужели их жизни настолько скучны, что легче всего осуждать девушку, которая торопится к матери в больницу?!

– Можно к ней?

Герман Викторович что-то писал в бумагах, и не думал обращать на меня никакого внимания. Видно, что врач измотан неблагодарной работой, но я не всегда готова входить в чужое положение.

В мое никто не торопился входить – никто, кроме мамы.

– Герман Викторович, можно мне к маме? – повторила вопрос.

– Ты уже навещала ее сегодня. К чему мешать пациентке? Ты не поможешь ей, девочка, лучше займись своей жизнью.

– Еще нет семи вечера, так что я пойду, – сказала решительно, и направилась было к двери в палату, но была остановлена.

– Ей хуже стало. Намного. И тебе нужно готовиться к самому плохому сценарию, – врач, наконец, обратил на меня взгляд, который бьет в самое сердце ледяными стрелами усталого сочувствия и жалости. – Почки отказывают, диализ не помогает. О печени и сердце вообще говорить не стоит... она не выкарабкается. Это агония, просто она затянулась.

Это жестокий удар, невыносимо болезненный.

Остановилась. Замерла, как вкопанная, пожалуй, лишь сейчас осознав: я теряю ее. Теряю единственного человека, который любил меня, а не делал вид, что заботится. Теряю свою маму, которая упустила свое здоровье, заботясь обо мне – вечно болевшей в детстве и юности.

Теряю маму из-за нехватки денег – простых бумажек, на которых помешалось все человечество!

– Вероника, я хочу дать тебе добрый совет...

– Вера. Не Вероника, – не выдержав, поправила я, устав от чужого имени, слышать которое мучительно – лишь маме можно называть меня так, не остальным!

– Смирись. Люди уходят, и им не помочь. Ты никому лучше не сделаешь, если будешь ходить к своей матери по два раза в сутки, беря и ее, и свои раны. Начни отпускать, и когда

придет время, легче будет. Я не говорю, что ты должна бросить ее, но хватит расшибать лоб в попытках пробить гранитную стену, понимаешь, девочка? Начни о будущем думать, а не о прошлом.

– Я о настоящем лучше буду думать. Но спасибо за совет.

Из кабинета врача я не вышла, а вылетела, задыхаясь, как от удушья. И понятно, что не могут медики каждому пациенту и их родственникам сочувствовать, но все-равно ведь ждешь этого: человеческого понимания, кляत्व, что вылечат, а не толстого намека бросить бороться и позволить умереть самому близкому человеку.

Зашла в палату, отвратительно пахнущую лекарствами, и чем-то неуловимо-ужасным. Здесь дурным предчувствием пахнет. Слезами и потерями.

– Ника, ты пришла.

– Пришла, мам, – сказала я бодро.

Я ведь была у мамы утром, и не заметила особых изменений к худшему, хотя меня и предупреждали о них, но вскользь. А сейчас их видно невооруженным глазом: желтая, пергаментная кожа натянута, белки глаз желтые, губы будто тоньше стали. Да и сама мама истончилась, и ускользает от меня, а я руками за воздух хватаюсь бессильно, пытаюсь удержать.

– Я соскучилась по тебе, детка. Так сильно соскучилась...

Голова закружилась от понимания: мама сейчас не мне это говорит. Не мне – своей приемной дочери Вере, а Веронике – той дочери, которую она потеряла.

И которую я всю жизнь пытаюсь заменить.

Безуспешно.

В салон забежала тетя Наташа, презирающая и предварительную запись, банальные очереди и приветствия в начале беседы.

– Вероника, сделай мне френч. Завтра корпоратив, и я хочу шика-блеска. Срочно! Дам двести рублей чаевых.

– Садитесь, – кивнула маминой подруге, которая тут же плюхнулась на стул, и выставила свои руки. – И называйте меня Верой, пожалуйста!

– С чего это вдруг ты Верой стала?

Пожала плечами, принимаясь за работу.

Самой странно, но раньше я спокойно относилась к тому, что имя мне поменяли. Была Верой, стала Вероникой – так даже красивее. Так мне казалось. И обид никаких не было, что мама изменила мои документы, вспоминая свою кровную дочь, с потерей которой так и не смогла смириться. Но сейчас... сейчас мне начало казаться, что я заслужила иметь свое имя – пусть и назвала меня Верой та женщина, которая родила, но которую матерью у меня язык не повернется назвать.

– Кстати, слышала, что Влад вернулся?

– Слышала. Бред, – коротко ответила я.

– Э, не скажи, – заспорила тетя Наташа – любительница сплетен, которые зачастую и распускает сама, – я его видела. Честное слово, видела, не смотри так! Мы с девочками на бизнес-ланч в «Сальваторе» ходили, и он мимо нас прошел. Таким важным стал, еле узнала. По глазам его диким узнала, здесь он. Вам бы встретиться...

Тетя Наташа продолжила болтать, что получается у нее лучше всего, а я молча работала. И думала. Хоть мамина подруга – та еще сплетница, но врать бы не стала, а значит, Влад и правда вернулся.

Влад вернулся, мама умирает... дьявол, я выбью из него деньги! Не может ведь он быть настолько мелочным, чтобы не выделить хоть что-то на лечение родной матери. Да, меня он ненавидит, и никогда не скрывал, что приبلудой считает, да и пусть ненавидит, мне не жалко.

Лишь бы помог.

– ... ты меня слушаешь? Я подумала, что неплохо бы на ноготь безымянного пальца рисунок какой-нибудь. Сделай розочки, хорошо?

– Хорошо.

– Так ты хочешь с ним встретиться? Брат все-же, пусть и не родной.

Тетя Наташа бросила на меня жадный взгляд, и я поняла – не отстанет, да еще и подружек своих напустит. Итак ведь не любит меня, хоть и источает улыбки. Все они искренне считают, что я погубила маму, и отчасти они правы.

От недоедания, или от чего-то иного, но едва меня удочерили, я начала болеть. Почти сразу со здоровьем начало происходить странное, и мама принялась таскать меня по врачам, которые лишь руками разводили, и спрашивали: «А чего вы хотели? Девчонку что в родной семье, что в детдоме кормили чем попало. Отъестся еще, дайте время».

Но время шло, а у меня все было не слава Богу: простуды, отравления, постоянный авитаминоз, и необъяснимые недомогания, которым никто не находил объяснений. Вдобавок к этому в голове сидел извечный страх любого приемыша, что обратно вернут. Я ведь наблюдала такое, и не раз – мало кто готов к проблемным детям.

Но мама и не думала от меня избавляться, даже несмотря на недовольство родного сына и мужа, в потере которых окружающие тоже меня винили – это ж надо, из-за какой-то девчонки, чуть ли не с улицы взятой, столько проблем?!

Они бросили ее, а мама боролась за меня, и вытащила. А себя погубила.

– Я встречусь с Владом, – сказала я не столько тете Наташе, сколько самой себе. – Вы не подскажете, где он может быть?

– Подскажу. Я все разузнала. На Рождественского, в новом бизнес-центре он целый этаж снял, пока здание под компанию строить будут – он там. Уверена, Влад будет счастлив тебя увидеть, – покривила она душой, ведь знает прекрасно о «любви» Влада ко мне.

– Уверена, что нет, но я переживу. С вас восемьсот рублей к оплате, – завершила я наш разговор.

Вышла из салона, решив не тянуть, и сразу с Владом встретиться. Будь что будет! Ну не спустит ведь он меня с лестницы... наверное. От него всего можно ожидать.

Дикарем был – таким я его запомнила. Злым мальчишкой, жестоким.

Моей первой детской любовью...

– Он повзрослел, – прошептала себе под нос, на который упали первые капли дождя.

Сколько сейчас Владу? Двадцать четыре года, он ведь на пять лет меня старше. И если одиннадцать лет назад он был мальчишкой, в штыки принявшим новую сестру, то сейчас он должен был измениться.

Надеюсь.

Зашла в стеклянное здание бизнес-центра, чувствуя себя абсолютно чуждым элементом здесь – среди мраморных фигур, дорогих диванов и мужчин, одетых в брендовые костюмы. Я, в своих простых джинсах и футболке, здесь как пришелица из мира нищевородов – тех, кого такие, как Влад видят из окна машин.

– Я к Владиславу Гарай. Скажите, на какой мне этаж подняться?

– Вам назначена встреча?

– Да, я на собеседование, – нагло заявила я, подозревая, что сейчас меня выставят вон, распознав беспардонное вранье.

– Для пропуска нужен ваш паспорт или права, – протянула документ охраннику, и через минуту получила пластиковую карту. – Вам на семнадцатый этаж.

– Спасибо.

Пока поднималась на лифте, успела передумать десятки раз. Нет, даже сотни! Я ведь писала Владу, обо всем писала, и не видеть, от кого сообщение он не мог. В сеть заходил, я проверяла, и не единожды, но прочитать сообщение не посчитал нужным.

– К черту все, – сказала сама себе ровно в ту секунду, когда лифт прозвенел, доставив меня на нужный этаж.

Здесь пусто. Нет суетящихся, работающих и переговаривающихся людей. Лишь какая-то женщина рядом с гудящим принтером, из которого один за одним выпрыгивают распечатки.

– Вы к кому?

– К Владу... к Владиславу Гарай, – поправила я. – На собеседование.

– Мы не назначали. На какую вы вакансию?

И почему я не сказала, что сестра?

Понятно, почему. Потому что невыносимо его братом называть, ведь братом он даже не пытался стать. Ни братом, ни другом, ни даже приличным врагом.

– Менеджер по продажам, – сообразила я, хотя чуть было не ляпнула, что пришла уборщицей устраиваться.

– Сейчас уточню. Обождите.

Женщина, стуча каблуками, удалилась от меня, я поняла – меня банально развернут. Эта мадам ясно дала понять, что вакансий никаких не выкладывали, да и странно было бы в первые же дни продавца искать... ну какая же я идиотка!

А, была не была!

Побежала следом, проследив, в какой кабинет открылась дверь, и успела услышать фразу, сказанную низким, грассирующим голосом:

– Пусть проваливается, я не назначал собеседование. Выпроводи...

Выдохнула, и как в омут с головой бросилась, открыв дверь.

– Привет, Влад.

Сказала, и замерла, как вкопанная. Он больше не тот жестокий мальчишка, который портил мне жизнь. По крайней мере, внешне он изменился. Стоит у окна – высокий, взрослый, в белой футболке, столь же мало подходящей для офиса, как и мой наряд.

А выражение лица все такое же – четко говорящее, что он центр вселенной.

– Уйдите, или я вызову охрану! Что здесь за порядки такие? Пускают кого попало... – строго начала выговаривать мне, как я поняла, секретарша Влада, которую он остановил движением руки.

– Выйди, Лариса. Оставь нас.

И все это, не сводя с меня абсолютно нечитаемого взгляда. Наконец, когда мы остались одни, Влад кивнул на стул.

– Садись... Ника, – усмехнулся он, чем взбесил до крайности.

– Вера! Меня зовут Вера!

– Надо же. А раньше ты настаивала, чтобы все называли тебя именем моей сестры, – Влад приподнял рассеченную бровь, и раздраженно указал на стул. – Сядь, Вера.

К горлу тошнота подступает от волнения, в глазах темнеет, дышать становится все труднее. Я задыхаюсь от паники. Хочется выбежать отсюда на воздух, на волю, и отдаться воле случая. Вот только это невозможно.

Влад мне нужен. Если мы с мамой не нужны ему, то мы никому другому не нужны и подавно. Не откуда помощи ждать, только от Влада, а значит, я не уйду!

На стул я не села, а свалилась, но лицо удержать попыталась. Влад смотрит цепко: на лице ноль эмоций, а глаза живые. Жуткие у него глаза, на самом деле – светлые, жадные и злые. Смотреть в них больно, но я упрямо заставляю себя глядеть в них, и понимаю: еще несколько секунд, и я свалюсь в обморок.

– Зачем явилась? Родственную встречу решила устроить, проводить по памятным местам? А где каравай с солью, или чем принято встречать?

Таких, как ты – подзатыльником, чтобы дурь выбить! Жаль, что произнести такое я не смогу.

– Мама болеет, Влад. Мне нужны деньги на ее лечение, сумма немаленькая. Ты поможешь? – задала я тот вопрос, ради которого и пришла сюда.

– Болеет?

– Умирает. Она умрет, если ей не обеспечить нормальное лечение. Я не справляюсь, понимаешь? Работаю в салоне красоты, и даю частные уроки игры на фортепиано, но этих копеек с трудом хватает. А приличные деньги я не могу заработать. Помоги, пожалуйста.

«Просто помоги. Будь ты человеком!» – мысленно взмолилась я, с ужасом ожидая его ответ.

Влад ведь уехал с отцом. Бросил маму, и не вспоминал о ней, не навещал. Что ему до нее? Зря, зря я пришла. Иногда неведение лучше горькой правды.

– Что с ней? – задал Влад единственный вопрос до обидного равнодушным тоном.

– Органы отказывают, иммунная система убита напрочь. У нас был столичный медик, но единственное, что он сказал – маму нужно в Израиль отправлять.

Это светило медицины стоило мне проданного рояля – единственной нашей с мамой ценности, доставшейся ей после развода. Как оказалось, медицина в нашей стране далеко не такая бесплатная, как о ней говорят по телевизору. И за все нужно платить: врачам за осмотры, медсестрам за нормальный уход, лекарства нужно доставать импортные, а не наши. Всюду деньги, деньги, деньги!

– Понятно.

– Ты поможешь?

Влад молча сел за свой пустой стол, а мне вдруг захотелось подбежать к нему, и совершить что-то ужасное. Что с ним случилось? Она ведь мама, как так можно? Да я даже свою родную мать любила столько лет, и в детдоме ее ждала, хотя понимала – не придет она. И матерью-то считаться может с натяжкой – родить и кошка может, только кошки редко котят бросают, а меня не единожды бросали. Но я все-равно любила ее – ту, что предавала меня не раз, а Влад... никого он не любит, и мне не понять этого.

– Хорошо, я заплачу.

– Спасибо. Спасибо тебе, – выдохнула, испытывая дикое облегчение. – Завтра с утра я пойду ее навещать, мама во второй горбольнице лежит. Ты пойдешь со мной?

– Зачем мне это?

– Затем, что это твоя мать, Влад! Как... как ты можешь так относиться к ней? Мама – чудесный человек, а ты...

– А я неблагодарная скотина. Вот только она далеко не такая расчудесная, какой ты ее представляешь. Деньги на лечение я дам, но большего от меня не проси... сестричка.

В голове скрежет звучит в унисон с биением сердца, которые в висках набатом звучат. Сначала я паниковала, затем боялась, а сейчас я испытываю дикую злость от этого идиота, который отказывается понимать самое главное: любые обиды теряют смысл, когда беда приходит.

– Ты до сих пор не можешь простить маме то, что она удочерила меня, не спросив твоего разрешения? И меня поэтому ненавидишь? – прошипела, глядя в его побелевшее от ярости лицо. И понимаю, что не время сейчас для скандалов, нужно уходить, пока он не передумал деньгами помогать, и отношение не портить, но... не могу.

Сейчас я узнаю, какая кошка пробежала между ними! Сейчас Влад выскажется, я ведь так давно хотела выяснить, что произошло, и почему мама так просто отказалась от прав на Влада.

– Пошла вон. Пошла. Вон. НЕМЕДЛЕННО!

И я сама не поняла как, но я выбежала из кабинета Влада, и неслась по коридору, а выдохнуть смогла лишь в лифте.

Выдохнуть, и разрыдаться.

Глава 2

ВЛАД

Жизнь – большая любительница преподносить сюрпризы. И кто знал, что меня снова занесет в эту дыру? Хотя, я мог бы и догадаться, что придется сюда ехать, учитывая то, что именно этот регион богат нужными ископаемыми.

А приехав, я сразу понял, что встречу с кем-то из них: с матерью, которая травила меня в детстве, или со лживой девчонкой, убившей мою сестру, да еще и занявшей ее место. Эти двое – мать и «сестра» друг друга стоят.

А Вера – она ведь писала мне, и я десятки раз хотел прочитать ее сообщение, но такое бешенство накатывало, что в итоге я просто удалил его так и не открыв.

– Пошла вон. Пошла. Вон. НЕМЕДЛЕННО! – эти слова я почти выкрикнул, любуясь тем, как она побледнела – маленькая лживая дрянь.

Выбежала из кабинета, унеслась прочь, словно я маньяк какой-то. Хотя еще пара вопросов, заданных невинным тоном – и я мог бы не сдержаться.

– Владислав Евгеньевич, я на сегодня еще нужна?

– Можешь идти.

– А эта девушка, – Лариса замялась, – мне сообщить на охрану, чтобы ее больше не пропускали?

– Она больше не явится. Иди домой, завтра к восьми.

Помощница кивнула, взглянула также испуганно, как и Ника несколько минут назад, и вышла вон. Ладно, Ника, но этой-то я что сделал?

– Она не Ника, она Вера, – сказал сам себе, хотя мать все детство пыталась долбить мне обратное.

Ни отца не слушала, ни голос разума, ни меня. Называла девчонку, погубившую мою сестру ее же именем, и скандалила, если вдруг я шел против:

– Не смей! Ее имя Вероника, ясно? Влад, ты специально меня доводишь? – кричала и плакала мать.

– Вероника умерла.

Лишь эту фразу я твердил, как заведенный: сестра умерла. Но главное, как бы не хотел, я не смел сказать: Веронику убила эта мелкая дрянь, которую ты притащила к нам домой, велел считать сестрой.

Убила, и я это видел.

Вот только до сих пор никому не рассказывал, даже отцу. Которому, к слову, пора позвонить.

– Да.

– Привет.

– Что случилось? Голос у тебя... пил, что ли?

– Нет, – солгал, глядя на початую бутылку виски, но я ведь не пьян, я просто в бешенстве. – Вера приходила.

– Какая Вера? Сын, я занят, и если...

– Та самая Вера, – перебил отца. – Ты знал, что мать больна? Вера приходила просить деньги на ее лечение. Ты в курсе дел?

Папа закашлялся, не торопясь с ответом. Да я уже итак понял, что он знает. Отец всегда в курсе того, что хотя бы теоретически может его касаться.

– Влад, не связывайся с ними. Это больше не наша семья – ни Вера, ни Надя. Пусть разбираются сами, они обе сумасшедшие. Ты ведь помнишь, что твоя мать сделала?

Помню.

К огромному сожалению, такое не забывается. Живешь себе, доверяешь маме, хоть и видишь ее странности, а потом обнаруживаешь причины своих внезапных болезней.

Не каждого медленно травит родная мать.

Она ведь даже не отреклась от обвинений, и прощения не просила. А я ведь, как полный кретин, готов был простить даже это, лишь бы маму не терять, но ей было все-равно. Даже на суд не явилась, не собиралась оспаривать опеку. Просто отдала меня отцу, вычеркнув из жизни.

Не любила никогда, и даже не притворялась.

– Я разберусь.

– Не будь идиотом, – рявкнул папа. – Твоя мать – манипуляторша, а Вера – ее достойная ученица. Ты оглянуться не успеешь, как они обе сядут тебе на шею, и будут управлять каждым шагом. Не вздумай потакать им.

– Сказал же, что разберусь. Ты приезжать не собираешься?

– Через пару месяцев смогу вырваться, не раньше.

Отец, как обычно, пустился в наставления, которые я почти не слушаю. Киваю, словно он может меня видеть, а в голове мысли: ты прав. Зря я пообещал помощь, зря вообще позволил снова впутать меня в это. Любая мать, даже самая пропадающая, заслуживает шанса, и заслуживает хотя бы минимальной помощи от своего ребенка. Но может ли считаться матерью женщина, пытавшаяся убить своего ребенка?

– И правда маньяк, – рассмеялся, увидев свое отражение в зеркале. – Понятно, почему испугались.

Волосы взъерошены, светлые глаза будто светятся в темноте, как фосфор – всегда их ненавидел. Хотя, плевать на внешность, бабам вроде нравится, а на остальное похер.

Вышел из бизнес-центра, когда стемнело. Ночь почти, и хорошо – не видно уродливый город с выбитыми фонарями и грязными дорогами. Сколько лет меня здесь не было? Одинадцать? И ничего не изменилось к лучшему, лишь к худшему. Убогая дыра, из которой я с радостью уехал, но в которую пришлось вернуться.

Пока ехал до отеля, понял, что просто так не засну. Слишком много злой энергии, слишком много мыслей и сожалений. И хрен знает, что со всем этим делать завтра, но расслабиться нужно уже сегодня.

Надеюсь, шлюхи здесь нормальные.

– Девушка у вашей двери. Уже ждет. Оплата почасовая, – пробормотала одна из безликих менеджеров, подбежавшая ко мне в холле отеля. А в голосе осуждение.

Смешно. Сами же предоставляют подобные услуги, которые настойчиво рекламируют. А затем смущаются и осуждают тех, кто ими пользуется.

– На чай, – протянул ей купюру, и пошел к лифту.

Девушка стоит около двери, и жует жвачку: размалевана, но хоть одета прилично, а не в леопардовое платье и ботфорты. Сойдет.

– Я Наташа.

– Влад. Иди в душ, – сказал, и сам уже пожалел, что вызвал ее.

Так себе отвлечение, ведь именно сейчас я понял, что нужно делать – ответить за смерть моей сестры, отомстить Вере, уничтожить ее.

– Может, сначала... – девушка с намеком кивает вниз, и опускается передо мной на колени.

– Да, – выдохнул, наматывая светлые волосы на ладонь. И закрыл глаза.

ВЕРА

Мерзавец!

Подонок!

Самая настоящая сволочь!

Все эти, как и более неприличные и матерные эпитеты крутились в моей голове и бессонной ночью, и утром, пока я шла к больнице.

Влад просто больной ублюдок, который не в состоянии простить былые обиды. Да, он стал не единственным ребенком в семье, когда появилась я. И не вся любовь ему стала принадлежать, но стоит ли из-за этого ненавидеть?

Можно ли ненавидеть из-за банальной ревности?

Выходит, что можно. Ненавидеть, и лелеять свою ненависть, как самую великую ценность.

– Не стоит думать о нем, Влад просто жалок, – сказала самой себе, открывая перед смутно знакомой бабушкой дверь в больницу. И сама уже была готова зайти следом, но услышала знакомый голос:

– Вера!

Обернулась, и увидела его – Влада. Стоит, в темных джинсах и черной майке, сам он – черное пятно среди прекрасного июля и посреди всей моей жизни. Лишь волосы и глаза светлые. Буравит своим жутким взглядом – красивым и страшным. Я с детства их боялась – глаз его, но думала, что справилась со своим страхом, а сейчас вот снова бежать хочется. Скрыться, как можно скорее, чтобы он не смотрел так, чтобы ушел, уехал из нашего города.

И чтобы все стало так, как раньше было: я и мама. Никто нам не нужен больше!

– Привет.

– Привет.

– Ты же сказал, что не придешь.

– Я передумал, – сказал, приближаясь ко мне – медленно, как хищник. Да он и есть хищник, понимаю я вдруг, и еле сдерживаюсь, чтобы не прикрыть горло руками, чтобы не вцепился.

– С чего вдруг?

– Я не имею право навестить мать?

Нет, не имеешь. Ты ее предал! Я ее дочь, а ты – никто.

Но, разумеется, я не решаюсь сказать все это, и лишь киваю.

– Вот и замечательно. Идем, я не завтракал, – Влад подошел совсем близко ко мне, загораживая солнце своей темной фигурой. И его проклятые глаза убийственно близко, я даже могу рассмотреть темную проволоку, идущую кругом по радужке.

– Я к маме.

– Сначала в ресторан. Сказал же, что не завтракал, – в его голосе слышится раздражение. Не привык, что спорят, а я лишь маму привыкла слушать, а не кого попало. – Идем, Вера.

Протянул руку к моему плечу, и замер. На лице непередаваемое выражение злости и нерешительности – он словно брезгует ко мне прикоснуться. Сердце пускается в дикий пляс, почти тарантеллу танцует от этого унижения – да что Влад себе позволяет?

Приперся, командует, будь он проклят?! И я бы вслух прокляла, если бы не его деньги, которые правят этим чертовым миром. Были бы они у меня – послала бы к дьяволу, да еще и в лицо плюнула.

– В больнице есть кафе.

– Я не собираюсь давиться кашей, и пить кисель. В ресторан поедem, есть разговор.

Прикоснуться ко мне Влад больше не пытался, пошел вперед, рассекая широкими шагами, за которыми я не поспеваю, расстояние до парковки. И назад не оглядывается, словно уверен, что я бегу за ним.

А я бегу.

И хочу сесть на заднее сидение, но Влад не позволяет.

– Что за разговор? Будешь издеваться, как раньше?

– А ты так и будешь продолжать болтать о своем несчастливом детстве? Брось, Вера, не таким я был чудовищем.

Легкие наполнил аромат его резкого парфюма: полынь, цитрус и что-то алкогольное. Хочется вдыхать этот запах вечно, но еще больше хочется выпрыгнуть из машины на ходу, и броситься домой, чтобы поскорее оказаться в душе.

И смыть с себя все это.

Странно, что Влад так действует на меня – полярно прекрасно, и дико ужасно. Проклятая детская влюбленность во мне говорит, или... что?

– Каким ты был, таким и остался.

– Спасибо.

– Это не комплимент, – нахмурилась из-за его усмешки – да Влад же снова играет со мной!

– Ты ужасная грубиянка, Вера. Мамочка не учила тебя вежливости? Особенно с теми, от кого зависишь?

С языка чуть было не сорвались ругательства, о которых я пожалею. Лишь чудом удалось сдержаться, но Боже мой, с каким наслаждением бы я отхлестала его по щекам.

Сидит, издевается. Это мне есть, из-за чего обижаться! Не тебе, Влад! Я была маленьким, испуганным ребенком, оказавшимся в семье, и мне поддержка была нужна, которую лишь мама и дала мне. Ты только обижал, давил, словно я вредное насекомое.

Приблуда – так ты меня называл, а затем и вся школа с твоей легкой руки выискивала во мне недостатки. Ведь родная мать не может отказаться от ребенка, если он нормальный.

Да, это у меня есть причины ненавидеть, и я ненавижу.

И никогда не прощу тебя. Да ты никогда о прощении и не попросишь.

– Континентальный завтрак, – сделал Влад заказ, когда мы сели за столик. – Заказывай, Вера, не стесняйся. Я плачу.

– Спасибо, я не голодна.

– Не будь дикаркой, – рассмеялся. – Никогда в ресторане не была, да?

Да. Не была. И что такое «континентальный завтрак» я не знаю, и щи лаптем хлебаю. Деревня, что с меня взять?

– Овсяную кашу, и кофе, пожалуйста, – сказала официантке, которая кивнула, и оставила нас наедине. – Что за разговор? Мне скоро на работу, и я хотела повидать маму.

Влад поморщился при упоминании мамы, но тут же улыбнулся мне, сглаживая неприязнь обаянием полных, четко очерченных губ. А я невольно ловлю себя на мысли, что он красив – да, этот мужчина красив какой-то звериной, острой красотой, на которую не хочется смотреть вблизи. Лучше издали любоваться, чтобы боли не причинил.

– Мы не с того начали, Вера, я хотел попросить прощения. Вчера я не ожидал тебя увидеть, ты застала меня врасплох, – взъерошил он свои светлые волосы.

– Хотел просить прощения, так проси.

– А ты наглая... хорошо, прости, Вера. Вчера я был неласков, надеюсь, совместный завтрак искупит мою вину.

Послать бы тебя к дьяволу вместе с этим завтраком, и с извинениями, которые запоздали больше, чем на десять лет. За вчерашнее я готова простить тебя, а вот за все остальное – нет. Но, как я и думала, ты не просишь за это прощения, ведь вину ты не чувствуешь.

Перед глазами, как наяву, картина. Восемь лет мне было, второй класс, а я до сих пор помню все:

– Не садись со мной, ты детдомовская. Вшивая подруга с помойки мне не нужна.

Аня резко дернула стул, и я соскочила с него, испугавшись. Задела локтем пенал, и цветные ручки с карандашами, на которые я наглядеться не могла, с громким стуком валятся на грязный линолеум.

– Меня учительница посадила за эту парту. Ань, перестань.

– Не стану с тобой сидеть, – визжала она. – Ты меня вшами заразишь!

– Так, девочки, что здесь происходит? Аня, не кричи, это неприлично. А ты, Ника, собери карандаши, вымой руки, и возвращайся в класс.

– Варвара Николаевна, пересадите от меня эту, – Аня заплакала, размазывая слезы и сопли по хорошенькому личику. – Она заразная, Влад всем рассказал откуда она...

– Чтобы я больше этого не слышала. Вероника будет сидеть с тобой за одной партой, и ты принесешь ей извинения, иначе пойдешь в угол!

Тогда Аня извинилась передо мной, и больше не заговаривала о том, чтобы я пересела, но я горько пожалела и об этом, и об извинениях, за которые она меня не простила. И до окончания школы с радостью травила меня, как и все остальные одноклассники, за исключением нескольких равнодушных.

Лишь Катя всегда была на моей стороне, но защитить не могла.

Все это – школьную травлю, семейные проблемы и свои детские горести я переживала не так, как все остальные. Сначала было смирение, к которому нас приучили в детском доме – все сироты умеют смиряться с жестокостью. А затем во мне поднял голову протест: я отказывалась быть молчаливой жертвой.

И дралась до крови, до вырванных волос. Отбивала свое право считаться не помойной кошкой, а человеком. После этого, после вывернутых рук и расцарапанных лиц, открыто задирать меня перестали, утвердившись в том, что я дикарка. Но дикарка опасная, с которой лучше не связываться.

– Перестала обижаться?

– Перестала, Влад, – улыбнулась ему, и привычно заправила темный локон за ухо. – Ты решил наладить с нами отношения? Поэтому завтрак, и свидание с мамой? Думаю, она будет счастлива тебя увидеть после стольких лет.

– Я не пойду к ней.

– Но ты же...

– Я поговорю с врачом насчет лечения. Хочу понять, есть ли шансы, и что вообще с ней. Ты мне так и не объяснила, я даже не понял, сколько нужно на лечение. Но видаться с ней я не собираюсь.

Сказал, как отрезал. А в моей душе в неравной борьбе сплетаются слепая ярость и облегчение. Ярость от того, что маме не повезло с родным сыном, который и на краю жизни за руку не возьмет. И позорное облегчение, что мне не придется ее ни с кем делить. Тем более, с родным, с кровным сыном. Казалось, что увидь мама Влада, сразу забудет обо мне, как о чем-то неважном, хоть я и знаю, что это не так.

– Я не понимаю тебя, Влад. Правда, не понимаю. Почему ты такой жестокий?

– Я? Жестокий? – улыбнулся, а сам хмурится, и две морщинки перерезают переносицу, стрелами указывая его дикие, шальные глаза-льдины. – Вера, мне не нужны люди, которым не нужен я. А матери я никогда не был нужен, также, как и отец.

– Что за бред?

– Не бред. Ты ничего не замечала, но так оно и есть. Что, скажешь, она часто обо мне вспоминала? – надавил Влад, неотрывно глядя мне в глаза. – Ну? Хоть раз мать говорила обо мне?

– Нет, но это потому, что ей было больно...

– Это потому, – жестко сказал он, перебив меня, – что ей плевать. Вероника была любимцей, а я был нежеланным ребенком. Сына мать никогда не хотела, она вообще мужчин ненавидит. Одно время я уверен был, что не родной ей, но это не так, к сожалению. Не знаю почему, но она всегда меня ненавидела.

Неправда!

Мама – самая добрая, самая лучшая женщина на свете. Она, пока была здорова, моталась со мной по больницам, по врачам. На себя плевала, но помогала приютам, собирала детские вещи, и передавала их в фонды. С волонтерскими организациями работала, силясь сделать этот мир лучше.

– Не хочешь – не встречайся с ней, – ответила, и тяжело сглотнула горькую слюну.

– Спасибо за разрешение. Ешь, Вера, твоя мерзкая каша скоро остынет уже.

Опустила ложку в свою кашу, и посмотрела на стол. Плюс в нашей совместной трапезе все же есть – теперь я хоть знаю, что такое «континентальный завтрак».

Глава 3

ВЛАД

Смешная.

Сидела, спорить пыталась, дерзить. Воспитывать меня.

Смотрела – то в глаза смело, то изучала мои руки. Смущалась, прикусывала нижнюю губу, тугой локон за ухо заправляла, но он снова высвобождался и лез на лоб. Мазал по бледной щеке, щекотал ее кожу, и мои пальцы зудели от желания прикоснуться к Вере, чтобы заправить уже чертовы волосы в прическу.

Раздражает. Просто бесит. Убил бы!

Но приходилось сидеть, источая любезности. Девчонка должна ответить за все! Странно, что я столько лет думал об этом, злился и ненавидел, а такая простая и понятная месть только сейчас пришла в голову.

Вера заслужила, и свое получит, мелкая дрянь.

– Влад, может... может, тебе стоит поговорить с мамой? – после недолгой паузы несмело предложила Вера. – Она совсем плоха. Не в себе, в прошлом потерялась.

– В прошлом?

– Там, где Вероника еще жива. Зовет ее постоянно, лишь иногда в себя приходит... я боюсь, что никакое лечение уже не поможет, – она снова прикусила губу, задумалась, печально опустив глаза. – Влад, не теряй ты время на шелуху! Навести маму, и... попрощайся.

– Так ты думаешь, что лечение ей не понадобится?

– Нет, – вскричала Вера, и уже тише: – Нет, я хочу верить, что все возможно. Но я боюсь, очень боюсь, что поздно. Что время упущено. Врачи об этом твердят, а раньше лишь намекали, и намеки эти я предпочитала мимо ушей пропускать. Но мама давно не в себе. У нее...

Странно, но мне это не интересно – что у нее. Давно отболело, давно смирился, и ответил нелюбовью на нелюбовь. Говорят, что любовь матери к ребенку безусловна, как и любовь ребенка к матери – эгоистична, но также безусловна.

Нет.

Не все можно простить. Не все можно понять.

Но тем не менее я спрашиваю:

– Что у нее?

– Она странно себя вела, – замялась Вера, выкручивая себе пальцы. – Иногда все было нормально, а иногда она говорила что-то странное, непонятное мне. Я... я понимала, что мама не в себе, но боялась заставлять ее обращаться за помощью. Очень боялась!

И я даже знаю, чего ты боялась, Вера. Что мать отправят в психушку, а тебя обратно в приют – туда, куда тебя забрали от родной матери-наркоманки.

Что ж, это я даже могу понять – здоровый эгоизм. Лучше жить с психически-ненормальной, чем снова не иметь своей комнаты, и жить подачками от миссионеров.

– ... я виновата. Врачи сказали, что люди, сознание которых замутнено, не всегда понимают, что у них проблемы. Что нужно обратиться за помощью. Я не уследила за ней.

– Перестань, – поморщился от этих глупых оправданий, но они искренние – девчонка вполне честно винит себя. Мать она любит, а та полюбила Веру с первого взгляда – пока она была подругой сестры, а не детдомовской девчонкой.

Одинаковые они, как и говорил отец.

Хочется послать ее к дьяволу, и больше никогда не видеть. Ненавижу слабость: встряхнуть бы, заорать, чтобы взяла себя в руки! Сидит тут, жалеет и себя, и мать, и ждет, чтобы я начал ее переубеждать. Что не виновата ни в чем.

Нет уж.

– Идем? – Вера достала идиотский голубой кошелек с изображенной на нем белой кошкой – детский сад какой-то.

– Я сказал, что заплачу. Перестань.

– Нет, я...

– Я плачу, Вера. Не спорь, меня это раздражает.

Меня все в ней раздражает: дерзкие фразы, бегающий взгляд, смущение и проскальзывающая и в глазах, и в словах злость. И обида ее глупая непонятна, и тоже бесит. Строит из себя святошу, а я ведь знаю ее дольше, чем она думает – еще пока с наркоманкой-мамой жила, и с моей сестрой дружила.

Даже странно: что нашла Ника общего с нищей девочкой, которая еще и на два года младше. Видимо, сестра повелась на притворство – на эти опущенные в пол глаза. И на полное отсутствие совести.

– Ты надолго к нам?

– Насовсем. Соскучился по родным трущобам, к корням потянуло.

– Что-то не верится, – Вера изогнула тонкую бровь, и села рядом со мной, на соседнее сиденье. – А если серьезно?

– Не знаю. Пока буду работать из арендованного офиса, налаживать бизнес. Здание под филиал нужно отстраивать, те, что продаются не подходят – их дешевле снести, все еще из совка, и без ремонта. Думаю, я здесь на год, не меньше.

Вера замолчала. Снова пальцы начала выкручивать, как с детства делает, когда волнуется. И по лицу не понять, разочаровал ли я ее своим ответом.

Наверное, разочаровал. Ей было бы проще, дай я денег, и исчезни из ее жизни. Да и мне самому так было бы проще, я бы так и сделал, признайся она в том, что совершила.

Пожалуй, сейчас я понял, почему не рассказывал никому про Веру и Нику: кто бы поверил, что шестилетняя Вера могла заманить мою восьмилетнюю сестру в ловушку, в то старое, заброшенное здание конюшни, в которой ее нашли мертвой?

Даже отец бы покрутил пальцем у виска.

А я видел: и зависть в глазах Веры, когда она смотрела на мою сестру. На ее недорогую, но целую одежду по размеру, на игрушки. А еще я видел, как она в тот день пришла за Никой, тенью скользнув во двор, и обе они ушли по яблонево́й тропинке туда, к этой чертовой конюшне, в которую я не пошел за ними, не стал следить дальше.

А через день Нику нашли мертвой. Вера же клялась, что не видела сестру. Всем клялась, обливаясь слезами: полиции, детскому психологу и моему отцу. Что не видела Нику в тот день, и не знает, что случилось.

Что не виновата.

А затем ее забрали в приют, из которого ее и привезла моя мать, и велела называть не Верой, а Никой, и объявила, что теперь она моя сестра. Жестокая ирония.

– ... зовут Герман Викторович, ты...

– Что?

– Я говорю, что врача зовут Герман Викторович, – повторила Вера, когда мы подъехали к зданию больницы – унылому и безобразному, как все в этом городе. – Ты ведь хотел поговорить с ним. Провожу тебя до его кабинета, навещу маму, и мне пора на работу. Ты со своим завтраком порушил все мои планы, Влад.

– И это твоя благодарность? – рассмеялся почти искренне на ее ворчание. – Где ты работаешь?

– В салоне красоты, мастером маникюра работаю.

Ну кто бы сомневался? Почему-то я так и думал: продавщица, маникюрщица или парикмахер.

– Учиться не пошла?

– Учусь, на свободном посещении сейчас. Ну, с осени, разумеется, сейчас учебы нет. Я ведь еще уроки музыки даю, и не все успеваю. А за репетиторство неплохо платят, приходится выбирать.

– И какая работа тебе нравится больше? – спросил с живым интересом. Вера и музыка? Это что-то новое.

– Музыка. Я музыку люблю: играть, петь – это по мне. Но, – она строго нахмурилась – так, что захотелось разгладить морщинки на переносице, – я и маникюр люблю делать. Все, что деньги приносит.

– А учиться?

Вера пожала плечами, так и не ответив. Видимо, учиться она не любит. Помнится, в школе Вера не блистала, и мать вызывала классная руководительница и по поводу успеваемости, и по поведению.

Ничего не изменилось. И об этом нельзя забывать, что вот эта девочка с каштановыми волосами – лгунья и притворщица каких поискать.

И что она любит играть.

Дрянь.

ВЕРА

На работу я сбежала, пробыв с мамой всего пять минут. Привычно сунула несколько купюр медсестре, чтобы не забывала уделять внимание самой важной для меня пациентке, и унеслась прочь, не дожидаясь Влада.

С ним странно. Непривычно, что он здесь, и я не понимаю, как себя вести с ним. Влад то смотрит зверем, словно вот-вот в горло клыками вцепится, то разговаривает мягко, обволакивая патокой.

И этот контрастный душ порядком меня утомил, вымотал итак истлевшие за эти годы нервы, и лицо стало держать сложно.

– Телефон! – хлопнула себя по лбу. – Нужно было взять его номер. Как я теперь свяжусь с ним?

– О, мать, сама с собой уже болтаешь? – в подсобку зашла Катя, ни капли не стесняясь, что это рабочее помещение, а она в нашем салоне не работает.

– Катя?

– Нет, привидение твоей мертвой бабушки, – рассмеялась подруга. – На маникюр пришла, денег вот подкопила, а мой мастер сошла с ума, и вместо работы ведет беседы сама с собой.

Расхохоталась в ответ на глупую шутку – нервно, истерично почти, выплескивая скопившееся напряжение.

– Так. Что случилось, Вер?

– Влад случился.

– Оооо, рассказывай, – протянула подруга, и схватила меня за руку, вытаскивая в зал. – Угрожала ему, да? Как я и советовала? Купился же?

– Нет, ты что? Встретились, поговорили, и он согласился помочь, – сказала, сама не веря, что все оказалось относительно легко. Я ведь уверена была, что он пошлет меня дальней дорогой, не стесняясь в выражениях.

– И как он? Ну же, Вера, почему из тебя все приходится клещами вытаскивать?!

Взяла мягкую пилочку для ногтей, и принялась за привычную работу – не слишком любимую, несмотря на заверения Владу, что меня все устраивает.

Не устраивает. Глаза слезятся от ядреных запахов лаков, ацетона, топовых покрытий и летающих в воздухе глиттеров. Никакие вытяжки не спасают, но лучше здесь, чем за кассой

супермаркета – и такой опыт был, пусть и не долгий. Вот только недостатки у меня были огромные, и пришлось уйти, чтобы в минус не выйти с такой работой.

– Не знаю, что тебе сказать. Влад, он... сама не понимаю.

– Красивый?

– Не думала об этом, – сморщилась, в глубине души понимая, что лгу. И вздохнула: – Красивый, и я его боюсь. Жуткий он какой-то, злой как маньячина. Еще хуже стал, чем раньше, представляешь? Надеюсь, встречаться мы будем редко.

– Я бы хотела на него посмотреть, – подмигнула Катька. – Да ладно, Вер, не куксись, я ж из любопытства. Был обычный мальчишка, я смутно помню его в школе. А сейчас вон какая шишка – богатый наследник, и все такое. Настоящий мужик из списка Форбс – и в нашей дыре! Интересно же! Я искала его в интернете, но фоток его нет. Только вот с мэром, но там непонятно ни черта.

– Влад не хочет разбивать девичьи сердца, смущать не хочет своей красотой, и на грех наводить, – съязвила, подтрунивая над любопытной Катей. – Вот и не выкладывает фотографии. А если серьезно, то ничего сверхъестественного: две руки, две ноги. Все как у всех.

– Зануда ты. Попроси я тебя расписать Кирилла, ты бы час трындела. А о Владе двух слов не вытянуть!

И с чего Катя взяла, что я настолько без ума от Кирилла? Да, он нравится мне своей веселой безбашенностью, но в подушку ночью я не рыдаю, шепча его имя.

Наверное, я вообще не способна любить. Может, поэтому я и мечтаю о сильных чувствах, что подозреваю, что не видать мне их?!

– Кстати, по поводу этого нищebroда. Антон и Кирилл зовут нас завтра в парк. Парное свидание, – зашептала Катя. – У тебя, вроде, как раз выходной. Репетиторства нет?

– Нет, – оживилась от перспективы. – Я пойду!

– О, а я уж испугалась, что придется уговаривать. Ну слава Богу, а то чокнуться можно от такой жизни, как у тебя.

Катя, как всегда, преувеличивает. Жизнь моя далеко не легкая, но кому, как не мне знать, что многим людям приходится гораздо сложнее! Да, мама болеет, да, приходится работать, но у меня есть крыша над головой и есть надежда – а это иногда все, что нужно человеку, пока он дышит.

Присмотрюсь к Киру, может, удастся полюбить. Я ведь нравлюсь ему, вижу, что нравлюсь. Вдруг он станет тем самым, от которого сердце будет радостно биться, ради кого я буду по утрам вставать, и птицей летать, парить как на крыльях?

– Так вы с Владом помирились?

– Можно и так сказать. Но, Кать, мы с ним и не ссорились, просто он невзлюбил меня с первого взгляда, едва увидел. Я-то хотела наладить отношения с ним, очень хотела.

– Да, я помню, что он был редкостной сволочью. Но одно дело – парень-подросток, а другое – взрослый мужчина!

– Ему двадцать четыре, – рассмеялась я. – Какой из него взрослый мужчина, я тебя умоляю! Избалованный сопляк – вот кто Влад. Папочка разбогател, а Владу лишь повезло. Не думаю, что он сам способен бы был подняться...

– Тссс, – Катя расширила глаза – удивилась, наверное, от того, как я разошлась.

Но я в кои-то веки не хочу сдерживаться. Да, я сделала вид, что с Владом у нас перемирие, но обида моя, странным образом, лишь усилилась, окрепла, и подняла голову.

– ... без папочкиных денег. Вряд ли он бы вернулся, если бы хоть чего-то стоил в бизнесе. Думаю, просто сплывили с глаз подальше, чтобы не мешал другим работать. Или просто отдали ему этот город, как игрушку: «Иди, сынок, налаживай работу, открывай новый филиал, чувствуй себя биг-боссом!».

– Какие приятные слова, Вера. Браво, я в восторге! – раздалось холодное, контрастным душем прошлось по нервам.

Влад.

За моей спиной Влад, вот почему Катя пыталась меня остановить! Плохо пыталась, хотя, когда меня несет, меня даже БТР не в состоянии к порядку призвать.

– Привет, Влад, – пропищала подруга. – Я пойду, наверное. Спасибо за маникюр, Вер, я... пойду. Пока-пока.

Катя встала, и чуть потрясывая руками с не до конца высохшим покрытием, быстрыми шагами направилась к кассе. Банально сбежала, а мне сбежать некуда.

Язык мой – враг мой.

Дьявол! Я ведь не злая, не агрессивная, но почему же я вечно попадаю впросак?!

– Прости, я в сердцах все это наговорила.

– Конечно, – невозмутимо ответил Влад, и сел на освободившийся после Екатерины стул.

– Сделать маникюр? За счет заведения, – я замялась, опустила глаза, стыдясь смотреть на него.

Одно дело – высказывать все в лицо, а другое – вот так, за глаза ругать. Мелко это, подло даже, и с душком. От того и невыносимо стыдно – не только перед Владом, а еще и перед самой собой, что пала я настолько же низко, как и мои бывшие одноклассницы, шушукавшиеся по углам.

– С врачом я поговорил, затем и пришел, чтобы рассказать тебе. Могла бы и дожидаться в больнице.

– Я на работу опаздывала.

– Я понял. Так вот, – по лицу Влада сложно понять – задел его мой треп, или нет, – мать можно в Израиль отправить через десять дней. С деньгами я все устрою в ускоренном режиме, но она не выживет. Готовься к этому.

Зажмурилась от этих ужасных слов, бьющих по нервам. Как я могу к этому подготовиться? И какого черта Влад говорит об этом страшном, как о чем-то будничном, словно мы памятный континентальный завтрак обсуждаем?!

Нельзя быть готовой к смерти близкого, в каком бы возрасте она не произошла. Может, будь маме сто лет, я бы... нет, даже тогда бы не готова была ее потерять.

– В израильских клиниках творят чудеса. Уверена, маму вытащат, Влад. Пусть, она не будет резво прыгать и бегать, но я хочу надеяться, что все это не зря.

– Значимость надежды преувеличивают, поверь мне, Вера. Готовиться нужно к худшему, а надеяться можно лишь когда есть шанс. И неплохой шанс, остальное для идиотов. Если бы я не пообещал тебе денег на лечение, сейчас, после общения с врачом, я бы не стал впустую спускать целое состояние, – спокойно и холодно сказал Влад, жестоко разбивая мое сердце.

Неужели шансов совсем нет?

– Я отправил историю болезни нашему лечащему врачу. Шансов нет, – дополнил Влад, словно мысли мои прочитал.

Он как специально хочет больно мне сделать, растоптать, уничтожить этой обыденной жестокостью, которая в каждом его слове разлита, в каждой черточке красивого лица – в спокойных глазах-льдинах, в густых бровях вразлет, в четко очерченных полных губах, которыми я невольно любуюсь все время, как полная дура, которой Влад меня и считает.

Нет, я отказываюсь верить в то, что шансов нет! Пусть надежда для полных идиотов, пусть.

Быть идиоткой – не самый плохой выбор в моей жизни.

– Спасибо, Влад. И еще раз прости за те слова, что ты услышал, – переступила через свою гордость я, а он кивнул в ответ.

Неужели и правда изменился? Может, я была излишне строга к нему, и судила по прошлому, не видя за сложившейся картинкой истины? Я ведь всегда считала, что каждый заслуживает второго шанса, так почему предпочитаю лелеять обиды прошлого?

Он нравился мне, я влюблена была наивной детской любовью, которую банально растопило удочерение в семью Гарай и «теплый» прием Влада. Но сейчас... сейчас ведь изменилось абсолютно все!

– До завтра, Вера.

– До завтра...

Да, Влад не принял меня. Веронику, свою сестру, он любил, и винил меня в самом факте моего существования, считая подменным. Но та его жестокость, с которой он втоптывал меня в грязь, смогу ли я по-настоящему это простить, и забыть?

Выхожу из салона, и уже жалею, что согласилась идти завтра на свидание. И не из-за испорченного настроения, а из-за проклятого чувства вины, которое всегда зудит, прожигая дыру в душе, что не для меня это. Не достойна я ничего хорошего. Не после того, что я сделала.

Ноги сами несут меня туда, где я так долго не была. В самое мое нелюбимое место, в место, где закончилось мое детство.

– Прости, Вероника. Прости меня, – прошептала гранитному памятнику, на котором изображена моя подруга – восьмилетняя девочка, которую звали Вероника Гарай.

Я всегда прошу у нее прощения, и этого всегда мало.

Отвечать придется все-равно.

Глава 4

– Какие нужны документы, чтобы маму перевезти? Влад сказал, что через 10 дней прилетит борт, на котором ее отправят в Израиль.

– Все документы у нас есть, Вера.

– Но моих документов у вас нет, – заметила я, не обращая внимание на раздражение Германа Викторовича.

– Ваши документы нам не нужны.

– Как это? Я ведь буду сопровождать...

– Не будете, – отрезал врач. – Все вопросы к вашему брату, но сопровождать пациентку будут только медики и сиделки. Я специально уточнял у Владислава Евгеньевича насчет вас, и он сказал четкое и ясное «нет».

Нет.

Как это нет?

– Но...

– Разговаривайте со своим братом, разбирайтесь с ним, и не мешайте мне работать! – взорвался врач. – Вера, вы ходите в больницу по два раза в день, и отвлекаете меня своими глупостями. Не я оплачиваю перелет, не я организовываю перевозку и операцию, а Владислав. Идите к нему, общайтесь, договаривайтесь, и оставьте меня, наконец, в покое!

Бог ты мой, какой накал. И спросить нельзя!

Кивнула, и выскользнула из кабинета нервного врача. И понимаю ведь, что достала и его, и медсестер, но как не доставать их? Я ведь наивной была поначалу, не понимала, что всем платить нужно, а потом увидела, что к одним пациентам часто подходят медсестры, угождают, а к маме отношение было не таким приветливым. И все из-за «жадной» дочери, которая не в состоянии расщедриться дежурной медсестре на пару купюр.

Хорошо хоть родственники других пациентов просветили, ведь намеков медсестер я не понимала – в таком была стрессе и ужасе от болезни мамы.

Нельзя ее одну отправлять в чужую страну! Нельзя! Сиделки, врачи – это хорошо, но кто-то из близких должен быть рядом. А значит... значит то «до завтра», которым попрощался со мной Влад настало, и мне снова придется идти к нему.

И унижаться, черт бы его побрал!

И снова бизнес-центр, из которого я почти в слезах выбежала в прошлый раз, снова пост охраны, турникет, и лифт.

И Лариса, волком глядящая на меня.

– Я к Владу... к Владиславу. Он в офисе?

– Обождите, – она указала на диван, поморщилась, будто я – самое неприятное, что она в своей жизни видела. – И не смейте снова бежать за мной, и врываться в кабинет директора! Иначе я вызову охрану, и вас больше не пропустят.

Боюсь-боюсь. Просто дрожу от ужаса, страшнее угрозы я не слышала, угу.

– Я подожду. Не волнуйтесь, за вами не побегу.

Лариса смерила меня подозрительным взглядом, и скрылась в коридоре. А я сижу на обитом красной кожей диване, прислушиваясь к шуму – здесь уже не так пусто, как позавчера, но людей все-равно мало для целого этажа, который Влад арендовал.

Интересно, а он действительно просто богатый сынок, который нашел новую игрушку-бизнес, или он сечет во всем этом?

– Вас ожидают, – Лариса сказала это, смешно поджав губы. – Поторопитесь.

– Бегу-бегу!

Ей Богу, смешно. К чему лишний пафос, а эта фифа вся им пропитана, вся из дутого чувства собственного достоинства состоит – нарочитого и наигранного, и от того она смешна и нелепа.

Но весь смех улетучивается, едва я увидела его – Влада. Снова окно, в которое он смотрит, стоя спиной ко мне.

Отношение свое показывает?

– Привет, – села в кресло для посетителей, а он даже не шелохнулся, будто меня здесь нет.

– Скажи, здесь хоть что-то в лучшую сторону изменилось? Или одна деградация и упадок?

– Атракционы новые привезли, и сквер пионеров в порядок привели, – ответила, вспомнив улучшения, о которых все газеты не один год писали, как о событиях вселенского масштаба. – Шиномонтажка еще сторела, дымило неделю. У нас не так плохо, Влад.

– А ты многое видела? Путешествовала? Ты хоть в столице была, чтобы судить?

– Так то столица, не сравнивай.

– Вера-Вера, – протянул, и, наконец, обернулся ко мне. Губы – легкий намек на улыбку, а глаза – убийцы. Наверное, именно так они и смотрят – убийцы, о которых я читала. Те, которые в темных переулках жертв выжидают.

Глаза-убийцы, глаза-дуло пистолета, глаза-острый нож, вспоровший меня до самого нутра, иначе почему так больно и неудобно?

– Не смотри так!

– Как?

– Так, – просипела. – Я по поводу мамы пришла... Влад, я должна полететь с ней. Неужели это настолько дорого, что ты не хочешь... что ты не можешь оплатить и мой перелет? Мне не нужна гостиница, я могу в госпитале жить, вместе с мамой, или там подработку найду, русскоязычных в Израиле, я слышала, много. Пожалуйста...

– Нет, – резко перебил он. – Мать летит с врачами и с двумя сиделками, она в надежных руках. Ты останешься здесь.

– Но почему? – заорала я в непонимании. – Почему? Влад, ты же сам сказал мне вчера, что... что она не выдержит, что все это бесполезно, и шансов нет. Я должна быть с ней, если все кончено, понимаешь ты, черт тебя возьми, или нет?

– Остынь, Вера. Я ненавижу бессмысленные истерики. Ты остаешься здесь, мать улетает. Или же вы обе остаетесь здесь, и ты можешь своими глазами увидеть, как она умирает – меня устроят оба варианта.

Не изменился.

Я душой была, что допустила мысль, что Влад другим стал. Вернее, не так, он стал другим – еще более злым подонком, наслаждающимся моими отчаяньем и непониманием.

– Но почему? – прошептала, снова опускаясь в кресло, из которого вскочила. – Я не понимаю.

– Потому что я так решил. Ты остаешься, Вера, и ты теперь работаешь на меня. Деньги я отваливаю приличные, людей не хватает, и мне нужна секретарша. Весь долг ты не отработашь, но хоть какую-то пользу принесешь.

Секретарша? А как же эта цаца с перекошенным при моем виде лицом?

– Ларису ты увольняешь?

– Лариса не секретарь, она помогает, пока я не найду кого-нибудь. Будешь сидеть в приемной, разбирать бумажки... ты справишься с этим, Вера? Или слишком сложно для тебя?

– Влад...

– Продолжаешь спорить, – вздохнул он. – Где благодарность? Ты ведь поняла уже, что плевать я хотел на мать. Лишь ради тебя помог, могла бы и отблагодарить. Я прошу о сущей ерунде, Вера.

– Ты не просишь, в том-то и дело.

– А ты хотела, чтобы я просил тебя на коленях? – усмехнулся Влад. – Брось, девочка, это и тебе полезно будет, и мне: поработаешь в нормальном месте, для резюме будет полезнее такая запись, чем «мастер маникюра». Денег заработаешь, опять же, а в Израиле тебе делать нечего. Матери ты не поможешь, и видеть ее конец – от этого тоже не легче будет, поверь.

– Тебе откуда знать, что лучше, а что хуже? – спрятала лицо в ладонях, устав от Влада, и от этого бессмысленного в своей жестокости дня.

– Я видел крах в самом уродливом его проявлении, и знаю, о чем говорю. Ты останешься здесь, больше говорить об одном и том же я не намерен. Время – деньги, Вера, запомни это.

Время – деньги.

Время – великая ценность.

Время идет лишь вперед, и назад его не отмотать.

Время конечно и бесконечно.

Время, время, время, будь оно проклято! И ты, Влад, тоже! Но спорить и правда бессмысленно – он все решил, но он просит слишком многое.

И нет, это небольшая цена, быть его секретарем. Я хоть до конца жизни готова все прихоти Влада исполнять ради шанса снова пройтись по улицам города со здоровой мамой, но красть у меня наши мгновения с ней, наши, возможно, последние мгновения – это больше, чем готов любой человек дать.

Но Влад не спрашивает, а значит, я не лечу в Израиль.

И остаюсь здесь.

– Твоя взяла, Влад. Когда приступать?

– Это тебе, – Кирилл протянул мне сладкую вату – розовую, с бисеринками сиропа, застывшими и искрящимися на солнце.

С детства ее не ела, а ведь любила раньше! Клянчила у мамы деньги, и первое время она позволяла мне подобные лакомства, а потом... потом я начала болеть, и я слышала строгое: «Нельзя».

Мне было нельзя почти все: шоколад, кофе, чипсы, бургеры, мясо и макароны, жареное и копченое... да проще перечислить то, что я ела за все эти годы: овощи на пару, филе, вареную рыбу и кефир.

Но вот в чем странность, едва мама заболела, и перестала меня контролировать, я пустилась в гастрономический загул, и не умерла от этого. Даже болеть перестала, лишь один раз меня прыщами обсыпало от тридцати съеденных конфет под финал сериала.

– Спасибо.

– Я позже мороженое куплю, – почти неслышно произнес Кирилл, и взглянул на кулон: – О, ты носишь!

– Конечно ношу, – прижала ладонь к кулону-стрекозе, но сразу отдернула, почувствовав укол. Посмотрела на ладонь, на которой набухла маленькая капелька крови, и поморщилась: – Ненавижу вид крови.

– Трусиха, – расхохотался парень. – Пошли, Антон с Катюхой нас заждались.

– Классно, что мы, наконец, собрались все вместе, – громко, не стесняясь прохожих, закричала Катька, повиснувшая на своем Антоне. – Урааа! Мы молоды и прекрасны!

– Я отказываюсь быть прекрасным, – Антон, как обычно, не мог не вставить свои пять копеек. – Я же не девчонка.

– Ты суровый и мужественный, – включилась я в игру. – А мы, так уж и быть, молоды и прекрасны.

– Так-то лучше, женщины!

– Это кто тут женщина? Да я тебя...

Отвернулась от этой парочки, и наткнулась на взгляд Кирилла. Без слов понятно, чего он хочет и ждет: того же, что увидел в отношениях своего друга и Кати. Вот только я не она, и беззаботно хохотать, вцепившись в малознакомого парня, я не могу и не хочу.

– Они чокнутые, да? – неловко пошутил он, кивнув на приятелей.

– Я привыкла, а Катя – мое персональное зло.

– Я очаровательное зло, бойся меня, – подруга налетела со спины, и я чуть вату не уронила от испуга. – Твое персональное чудо.

– Чудовище, – поправила я. – Персональное чудовище. Пошли кататься, а то ходим как пенсионеры, ходунков только не хватает для полной картины.

– Вера обожает аттракционы, – сообщила Катя парням очевидное. – Вот только вытащить ее удастся редко, но сегодня нам повезло, и самая занятая девушка России с нами. Погнали на американские горки!

Я с радостью окуналась в эту витающую в воздухе беззаботность, вдыхала ее, как самый желанный дурман, и снова чувствовала себя ребенком. Пока не вспомнила Веронику, которая и привела меня в этот парк, когда мне было шесть лет. Мы в очередной раз сбежали из-под присмотра, возмнив себя взрослыми.

Ника казалась мне старше на целую жизнь, да так, по сути, и было – ей восемь, мне шесть. Она – любимая дочь нормальных родителей, школьница, а я – малявка-оборвыш, одетая в обноски. Нас разделяла целая пропасть, и я безумно, яростно, всей своей детской душой завидовала Веронике, и ее сказочной жизни.

И больше всего на свете я мечтала, чтобы моя жизнь стала такой же, как у нее.

Мечта эта сбылась до ужаса быстро: мама Вероники стала моей мамой, и даже имя ее теперь мое. И жизнь ее теперь тоже моя, чего не изменить, как ни старайся.

Прости, Ника! Прости, прости, прости, прости... если бы я только могла хоть что-то исправить, я бы по раскаленным углям прошла, я бы голыми руками бетонную стену пробила... я бы сделала все! Но я не могу!

– Ты чего, Ника?

– Вера! – излишне резко поправила я Кирилла, и тут же улыбнулась мягко: – Прости, но называй меня моим именем.

– А есть разница? Вероника – это ведь и Вера, и Ника. Ника красивее, как мне кажется, и больше тебе идет.

– Вера, и точка.

– Хорошо, «Вера, и точка», – передразнил Кирилл, паясничая, – мороженое будешь? Идем.

На мороженое я согласилась, как и на то, чтобы Кирилл пошел провожать меня домой. По дороге Катя с Антоном потерялись как-то незаметно и быстро – либо пошли гулять, либо целуются в каком-нибудь проулке, наслаждаясь друг другом и этим летом.

– К тебе можно?

– Кирилл...

– Ничего такого, – перебил меня парень, расширив честные глаза. – Руки хочу помыть, кофе выпить... пустишь?

А почему нет? Что мне мешает? Соседи? Так они разделились на два лагеря, одна часть меня жалеет, как несчастную сиротку, а другая презирает за то, что я маму угробила. Плевать на их мнение, да и сейчас двадцать первый век на дворе, а не восемнадцатый.

– Пушу, – выдохнула я, и открыла дверь в подъезд.

Как только маму положили в больницу, в доме опустело, и сначала я едва на стены не лезла от тоски, от дикости, что я одна, ведь одна я никогда не была. Ни пока с родной матерью жила, дом которой всегда был полон тех ужасных людей, ни в приюте – там вообще никто не знает, что такое одиночество и личное пространство. А сейчас я узнала, что и в одиноче-

стве есть своя прелесть, когда ты одна, и знаешь, что ни в эту, ни в следующую секунду никто не ворвется в комнату, и не станет обыскивать твои вещи в поисках сигарет или выпивки, чем грешила мама.

Не доверяла мне. Боялась, что я по кривой дорожке пойду, как та, что меня родила. И сводила меня с ума своими подозрениями, своими скандалами, которые я принимала за склочность, а оказалось, что она сама медленно с ума сходила прямо на моих глазах.

– Ванная слева, выключатель внутри, – указала Кириллу на белую дверь, сквозь которую мутное стекло врезано. – Я на кухне буду.

Помыла руки в кухонной раковине, поставила чайник, и застыла у окна, как Влад любит делать – на улице уже начало темнеть, укрывая город вуалью из звезд.

– Может, фильм включим?

– Мне завтра рано на работу.

– Тебе же к обеду! – удивился Кирилл. – Мне Катя твой график сказала, не проспишь уж.

– На другую работу, – поморщилась от неприятного воспоминания об утренней встрече с Владом. – Ты слышал, что Влад вернулся? Слышал, вижу. Так вот, я буду у него работать.

– Вау. А кем?

Девочкой для биття, видимо.

Снарядом для оттачивания издевок и жестокости.

– Секретарем. В салон я звонила, предупредила, что больше у них не работаю... временно. Думаю, у Влада я не задержусь надолго.

Как бы я ни не любила пилить ногти, и покрывать их не всегда уместными узорами, лучше эта работа, чем на Влада. Рядом с ним я чувствую себя, как дочь трубочиста на приеме у короля – замарашкой, которая не знает, за какую сторону вилки хвататься, а про остальные столовые приборы и вовсе имеет лишь смутное представление.

– Почему?

– Что почему?

– Почему ты думаешь, что не сможешь долго работать на брата? – повторил Кирилл, и сам принялся разливать нам кофе.

– Мы не ладим. Да и не умею я ничего. Вся эта офисная работа: бумаги, звонки, встречи – это не для меня, – призналась я, поморщившись от осознания собственной бестолковости.

Что мне удастся – это игра на рояле. Единственное, к чему у меня талант, да и мама поощряла мои многочасовые занятия. Лишь из-за игры на рояле, вместо которого теперь стоит дешевое пианино, мама не укладывала меня в кровать выздоравливать от очередной болезни, позволяла заниматься, овладевать инструментом, наслаждаться им и сливаться воедино. Она слушала мою игру, слушала любимого Рахманинова в моем исполнении, прикрывала глаза, и становилась обычной женщиной, а не издерганным существом.

Пожалуй, этому я бы могла посвятить всю жизнь – музыке, но все сложилось совсем не так, как я планировала.

– ... справишься, я уверен.

Рассеянно улыбнулась парню, и кивнула, хотя прослушала почти все, что он говорил.

– Вера?

– Что?

Вместо ответа Кирилл резко – так, что сахарница подпрыгнула на столе, бросился ко мне, неловко обнял, и поцеловал. Я и отскочить не успела, сообразить, что к чему.

Так вот, что значит поцелуй – когда чужие мокрые губы обхватывают мои, раздвигают их настойчиво, втягивают в себя, и настойчиво пропихивают язык... фу!

– Пусти, – отпрянула от Кирилла, и прижала руку к губам. – Ты... ты что себе позволяешь?

– Это всего лишь поцелуй, Вера. Поцелуй, не более. Тебе не понравилось?

Нет, не понравилось. Это было отвратительно, но... черт, Кирилл ведь нравится мне. Я просто не ожидала от него, да и от себя не ожидала, что позволю, чтобы мой первый поцелуй случился над двумя чашками растворимого кофе в моей кухне.

– Понравилось.

– Правда? Так давай продолжим. Ты ведь знаешь, что нравишься мне, Вера?

– Не сейчас, – уперлась ладонями в его грудь, но парень почему-то воспринял мое «нет» как «да, но будь понастойчивее». – Кир, я серьезно, не сейчас. У меня мама болеет, и мне не до того...

– Всего лишь поцелуй, – прошептал нагло, облапив меня, наседая и ломая мое сопротивление сырой мужской силой, против которой мне не выстоять.

Черт, мне неприятно, страшно даже, и страх этот иного рода, чем перед Владом. Сейчас страх животный, мешающий думать, не позволяющий закричать во все горло. Я могу лишь пищать, упираясь ладонями в плечи Кира, вцепляясь пальцами и ногтями в ткань его футболки...

– Пусти! Слышишь, кто-то пришел? – обманула я Кирилла, и он отпустил меня.

Но звонок в дверь и правда раздался к моему облегчению – я согласна даже на продавцов пылесосов по три тысячи долларов, которые шастают, и обманывают наивных пенсионеров. На миссионеров, на наглых бомжей, что просят иногда мелочь, на кого угодно, лишь бы не оставаться с Киром наедине.

– Влад? – пригляделась к приглушенному свету за дверью, и застыла растерянno.

– Пустишь?

– В-входи, – одернула топ, и раскрыла перед ним дверь.

А у самой горько-ироничная мысль в голове крутится заезженной пластинкой: не дом, а проходной двор какой-то. То никому не нужна была, то всем вдруг понадобилась, и все в гости напрашиваются.

Я почти популярна, впору гордиться, и записываться на конкурс красоты. Буду потом те самые пылесосы рекламировать в торговых центрах.

– А это еще что? Мальчик, пошел на хрен отсюда, – услышала Влада, и поспешила обратно на кухню – Боже, хоть бы не сцепились, и не перебили мамину посуду.

– Вера, кто это?

– Тебе повторить: свали нахер!

– Кирилл, – торопливо вклиниваюсь между ними, – это Влад. А тебе лучше уйти, прости.

– Ааа, брат, тогда понятно. До завтра, – Кир потянулся ко мне, поцеловал в щеку, которая загорелась, как от пощечины – таким взглядом ожег меня Влад.

И через несколько мгновений мы остались наедине.

– Зачем ты пришел?

– А ты неплохо проводишь время, да, Вера? Веселишься по полной... сестренка?

И зачем я спросила, какого черта он приперся – итак ясно, что изводить.

По-другому Влад не умеет.

ВЛАД

Дрянной, ненавистный город с бельмами-фонарями, который через один разбиты, с бесконечными вывесками пивных, зазывно привлекающими местных и тех, кому не посчастливилось здесь оказаться.

От работы мозг кипит, и чтобы отвлечься, чтобы расслабиться, и заснуть обычный трах не поможет – нужно нечто иное. Не алкоголь, не перепихон, а драка. Бой, чтобы в кровь, в мясо, до рассекаемой кожи, до самих костей. Своя боль, и чужая, бальзамом проливающаяся на мою, и успокаивающая.

Боль-успокоение.

Охренеть, да я философ!

– Парень, есть закурить?

– Нет.

– А если найду? – услышал привычный вопрос как из анекдота, как из бородатой шутки из девяностых.

Слабо замахнулся, и также слабо ударил торчка – тупо чтобы уgomонился. Пусть приляжет, и отдохнет. Не он мне нужен. Где-то здесь был теневой клуб – единственная отдушина для таких, как я. Где можно отдаться бою, выбить из других, и из себя скопившуюся черную ярость.

Но ноги несут меня не к бойцовскому клубу, а к дому, в котором вырос – к пятиэтажке за сетчатым забором, у которого местные старушки выращивают цветы в клумбах-покрышках. Как в бреду поднимаюсь выше, и выше, пока не останавливаюсь у знакомой квартиры, и сам не понимаю, как нажимаю на дребезжащий звонок, а из квартиры слышится не просто звон, а мелодия.

К Элизе, кажется.

Не секу в классике, но вроде, она.

Вера открыла. Не удивилась, даже... обрадовалась мне? Да, обрадовалась. Глаза вспыхнули мимолетной искрой счастья, что именно Я пришел, что...

Что за черт?

– А ты неплохо проводишь время, да, Вера? Веселишься по полной... сестренка?

Мелкий обсос, взбесивший меня самим фактом своего существования ушел, а Вера стоит, и смотрит на меня. Просто смотрит, и мне снова мерещится в ее глазах та радость, с которой она открыла дверь.

На него она тоже так смотрела? Тоже радовалась, привечала? Позволяла себя целовать, и целовала в ответ, раздевалась перед ним – другим, и на члене скакала, наполняя комнату стонами... хватит, что за хрень?!

Мне какое дело?

– Не понимаю, почему бы мне стоило перед тобой отчитываться. Ты в полиции нравов работаешь? И вообще, Влад, я тебя не звала.

– Это мой дом...

– Это не ТВОЙ дом, а МОЙ, ясно? – прошипела Вера, обняв себя руками за хрупкие плечи – спряталась от меня, от всего мира спряталась. – Я прекрасно знаю, что тебя выписали из квартиры, так что не смей! Не смей считать мое своим!

Жадная.

И говорит быстро, глотает согласные, задыхается почти – так сильно ненавидит меня. А мне нравится чувствовать этот искренний вкус на кончике своего языка, и я как пьяница тянусь к ней, но замираю, не в силах коснуться пальцами ее кожи.

Замер, как дурак, ладонь в миллиметре от ее щеки, и божественно-прекрасно, дьявольски-ужасно ощущать ее жар, ее дрожь сомнений, испуга, и непонимания, неприятия, что прежней жизни не будет.

А вот я понял.

Что все, что я проклят.

И за это ненавижу Веру еще сильнее. За гребаный удар молнии прямо в сердце.

– Уйди, Влад, я устала. Завтра мне на работу, уже спать пора собираться. Визит окончен, всем спасибо, все свободны.

И нужно бы убраться, я и сам не понимаю, зачем пришел сюда. Никакой ностальгии, никаких теплых воспоминаний, которые бы согревали меня вдали от дома, да и не мой это дом. Здесь Вера права: мать отказалась от всех прав на меня, отец выписал меня, и выписался сам, и дом мой в другом месте.

А вот в каком – не знаю.

– Налей мне выпить, – сказал, садясь на неудобный стул у окна.

– Я сказала, чтобы ты ушел!

– А я сказал: налей мне выпить.

Вот оно! Вот зачем я пришел – насладиться ее ненавистью, плещущейся в ее глазах, как вино в бокале. Кроваво-красная, с лиловыми нотками и золотыми бликами, горько-сладкая ненависть.

– Сукин сын! – выплюнула Вера, и развернулась к чайнику. Движения ее резки, она в таком же бешенстве от меня, в каком и я от нее. Резко выплескивает воду из фильтра в чайник, разлив половину на столешницу, оборачивается, и смотрит как хищная птица.

– Чай? Кофе?

– Виски.

– Иди в бар, там нальют, а я не алкоголичка. Либо чай, либо кофе, либо проваливай к черту!

– Странно, что ты не алкоголичка, с такими-то генами...

– Не смей! – прошипела, подскочив ко мне вплотную, руку занесла, как для удара, для пощечины, и я жду ее. Пусть ударит, пусть врежет мне, хоть так почувствую ее прикосновение, на котором помешался, как конченный псих. – Не смей, слышишь?

Слышу.

Я под гипнозом, я в нирване-чистилище когда Вера близко. Вдыхаю ее чертов аромат восточных цветов, и кроет с новой силой.

Я гребаный маньяк, я точно проклят.

И я ее хочу.

– Кофе, – хрипло выбрал, вспомнив ее вопрос. Кажется, я успел наговорить еще что-то, забыв о планах быть с ней милым, чтобы ударить побольнее. – Не обижайся, Вера, характер у меня дерьмовый.

– Это ты дерьмовый! А я, было, подумала, что ты изменился, наивная.

– Люди не меняются, – рассмеялся ее искреннему возмущению, – запомни это. Что выросло, то выросло, а все изменения чаще всего – притворство. Зазубри эту истину, и жить станет намного проще.

Не поверила, Вера даже не слушает меня. Открыла банку растворимого кофе, поставила передо мной, и также громко, выплескивая кипяток, опустила чашку.

– Кофе, сахар, угощайся. И уходи, у меня не ночлежка. Не понимаю, зачем ты явился!

– А ты гостеприимная. Ладно, я же извинился...

– Ты не извинился! – поправила Вера, успокаиваясь. Села напротив, барабанит пальцами по столу нервно. Сжать бы ее пальцы в ладонь так, чтобы больно стало обоим.

Какого хрена я один должен париться?

– Извини.

– Не извиню.

– Как хочешь. А пришел я... не знаю, гулял, решил навестить дом, в котором вырос. Я и не знал, что встречу такой прием.

– Ты бы встретил другой прием, поведи себя по-другому, Влад. Сам виноват.

– Дьявол, какая ты злопамятная, – Вера меня раздражает даже больше, чем это мерзкое пойло, которым пришлось давиться. – С таким характером, как у тебя, думаю, мы не сработаемся.

– Так уволь меня, я готова, Влад. Ты ведь знаешь, что я не горю желанием идти завтра к тебе, и прислуживать. Мне неуютно с тобой, я тебя... боюсь. Хочешь, я напишу расписку, и буду возвращать тебе деньги частями? Буду переводить их тебе на карту, могу с процентами возвращать, и мы больше не увидимся.

Вера хочет этого. В глазах надежда, она и не скрывает, что видеть меня не желает. Говорит все как есть – то, о чем думает, и предложение ее разумно. Вот только нахер мне эти деньги? И нахер мне сама Вера, которая будет сидеть за дверью пять дней в неделю?

Я ее не выношу с самого раннего детства.

Я хочу Веру. Мечтаю сжать так сильно, как только возможно, почувствовать ее голую под собой, и вбиваться в нее членом осатанело, пока не отпустит.

Не могу прикоснуться к ней – кожа ядовита, кажется, ожог будет, если дотронусь.

Вера убила мою сестру, разрушила семью, и до сих пор плетет свою паутину.

Сука.

– Завтра в восемь, не опаздывай. Решений я не меняю, – заставил себя допить эту мерзость, которую Вера называет кофе, криво улыбнулся, и вышел из этой кухни.

И из этого дома, бывшего когда-то родным.

Глава 5

Может, притвориться, что я заболела, и не выходить на работу? Хотя, нет, Влад просечет это, ведь маму не навестить я не смогу.

Вычислит, и снова явится, чтобы... чтобы что? Нагрубить, а затем криво извиняться, будто заставляя выдавливать из себя неприятные слова?

Нет уж, придется идти завтра в этот чертов офис на чертову работу к чертову Владу.

Спать я легла уверенная, что не смогу заснуть, но я, как всегда, ошиблась, и отключилась, едва голова моя коснулась подушки. И снилась мне Вероника.

Она всегда приходит, когда мне плохо. Чтобы утешить, или чтобы добить.

– Ника! Ну пойдем, а? Там, говорят, привидения. Пойдем, пожалуйста!

Я прыгала рядом с подругой, которая казалась мне взрослой – почти подростком. Веронике восемь, она одета в куртку небесного цвета – чистую, без дырок, без масляных пятен. На губах розовый блеск, и она улыбается этими своими ягодными губами, глядя на меня сверху-вниз – недостижимая для шестилетней девочки, которая считает ее богиней.

– И кто так говорит?

– Как?

– Что там привидения.

– Мальчишки сказали, что там женщина в белом, – зашептала я. – Эта конюшня – она каким-то богатеям принадлежала, и хозяйка в ней угорела. Если увидим ее – заберет с собой. Пошли посмотрим!

– Зачем, Вера? – рассмеялась Ника, и протянула мне конфету. – Глупости это все: привидения, женщины в белом. Детские страшилки. Но если правда, то не стоит нам туда ходить, или ты хочешь, чтобы этот призрак тебя забрал?

Я хотела. Не всегда, но иногда очень хотела. Раньше мама улыбалась по-доброму, она смеялась вместе со мной, но, когда мы сели в поезд, увозящий нас из Владивостока, она перестала радоваться.

Сначала она грустила, а затем снова начала улыбаться, только неприятно. Зло как-то. И все эти люди, которых мама водила к нам – они страшные, и от них плохо пахнет. И есть всегда нечего, лишь вонючая сухая рыба бывает, которую приносят мамины друзья.

– Так любопытно же. Ну давай сходим, Ник, – потянула старшую подругу за руку по направлению к старой конюшне – огромной, стоящей на пустыре у развалин дома. – И с тобой не страшно. Чего нам бояться?

– Нечего, ты права. Давай сходим, раз уж ты, малявка, не боишься, то мне и вовсе не стоит.

И мы пошли по короткой дорожке, а затем свернули на тропинку, срезая путь. Я перепрыгивала через огромные булыжники, радуясь нашей странной дружбе – старшие девочки предпочитали не водиться с теми, кто даже на год младше, а мне вот повезло. Ника и конфеты мне приносила, и бутерброды. Куклу свою отдала, и кое-что из одежды. С другими девочками она не общалась, только со мной, и это прекрасно.

Пусть она будет только моей подругой – самой лучшей. Такой, чтобы на всю жизнь!

– Пришли, – прошептала она, и выкрикнула: – Ау! Женщина в белом, выходи!

– Выходи на честный бой! – поддержала я, и...

... проснулась от звона будильника с застывшим криком, рвущимся из груди.

– Прости! Прости, прости, прости, – зашептала я, обхватив колени. – Боже, если бы я могла все исправить... прости!

Вечно этот проклятый сон – снится мне в укор, в напоминание об ужасной ошибке, которую я не в силах исправить, ведь в прошлое дверь закрыта. Пожалуй, Вероника будет преследовать меня до конца моих дней, и будет ждать там, за гранью.

Где я, наконец, смогу молить простить меня за тот день, ставший последним.

– Документы принесла? Трудовую, ИНН, СНИЛС, – этими словами встретила меня вездесущая Лариса.

Протянула ей полупрозрачную розовую папку, в которую с вечера сложила документы, благо, из салона не пришлось ничего забирать, так как я там и не числилась официально.

– Хорошо, жди.

И как только я присела на полюбившийся мне красный диван, лифт открылся, и из него вышел Влад – одетый, как обычно, не в деловой костюм, а в футболку и джинсы.

– Пришла все-же. Я был уверен, что притворишься умирающей.

Была такая мысль.

– Будто у меня был выход, – проворчала.

– Пойдем, что сидишь?

– Лариса...

– Здесь пока я хозяин, а не Лариса, – рассмеялся он, и кивнул. – Идем.

– Да, хозяин, слушаюсь, – передразнила его тихо, надеясь, что Влад не услышит, но он, разумеется, всегда слышит то, что не нужно.

– Мне нравится. Так и называй меня – хозяином.

Надо же, он пытается шутить! Непривычно, и не сказать, что у него получается. Особенно после того, как он вломился в мой дом, и довел до белого каления.

– Влад, может, не стоит меня оформлять? Поработаю неофициально, зачем...

– Затем, – перебил он, и открыл передо мной дверь в свой кабинет. – Не надейся слиться, и... черт, Вера, что за дешевые тряпки на тебе? Ты про дресс-код слышала?

– А ты? Где костюм, где галстук? – кивнула на «хозяина», выглядящего как угодно, но не как директор. Скорее, как спортсмен какой-нибудь, или грабитель с большой дороги.

– Не тебе указывать, Вера.

– И не тебе. Одеваться я буду так, как хочу, – с вызовом произнесла я, глядя ему в глаза.

Вот только, кажется, не впечатлила я Влада своей наглостью. Он лишь хмыкнул, еще раз оглядел мою голубую майку, темные обтягивающие джинсы, и выдавшие виды балетки, и подошел к своему излюбленному окну.

– Ты умеешь варить кофе?

– Я умею кипятить чайник, и опускать в кипяток растворимый кофе. Иногда пакетик с чаем. По настроению.

Может, Влад сжалится надо мной и над собой, и выгонит с работы? Я ведь не врала, я правда не знаю, как варить кофе – мама не позволяла его пить. Купила Нескафе я лишь когда маму в больницу забрали.

А секретарша, которая даже кофе делать не умеет, это не секретарша, а позорище. А еще... еще я не понимаю ничего!

– Весьма полезные навыки, – скривился он.

– Влад, ты так и не объяснил мне... почему я? Ты ведь терпеть меня не можешь, так зачем все это?

– Не придумывай.

– Нет, правда, – подошла к нему, минуя стол. Встала вплотную, изучая его бугристую от мышц спину. – Я знаю, что ты меня ненавидишь, ты ведь не скрываешь это, Влад. Я не понимаю это, но принимаю – твое право. Но чего я не понимаю, так это того, зачем мучить и себя, и меня!

– Я не ненавижу тебя, Вера, – Влад обернулся, задев меня плечом, и резко отдернул руку.

Как от гадюки. Как я бы сделала, дотронулся нечаянно до паука.

Вспомнила все наши немногочисленные совместные моменты: как он протягивает ко мне руку, и застывает. Как подходит близко, и не дотрагивается. И не то, чтобы я хотела его прикосновений... или хотела?

– Ты даже притронуться ко мне не можешь! Это ли не ненависть? – голос заклекотал от противоестественной обиды. Я ведь не помойная кошка, чтобы так брезговать, чтобы блох не подцепить и лишай.

– А тебе так нужны мои прикосновения? Думал, тебе своего любовника хватает.

– Кирилл не мой любовник! И я не то имела в виду, Влад. Ты же брезгуешь мной, но зачем-то заставляешь быть рядом. Я не понимаю, правда.

Обида разлилась во мне, по каждой клеточке тела, уничтожила самоконтроль, стерла в порошок все мои намерения держаться профессионально и приветливо. Как можно быть спокойной, когда не понимаешь, что от тебя нужно человеку, который, если захочет, сломает твою жизнь?

– Вера, а тебе не приходило в голову, что я просто хочу наладить наши отношения? Кажется, я уже говорил об этом. Да, семьей нам не стать, но добрыми друзьями – вполне. Ты сейчас придумываешь то, чего нет, приплетаешь какую-то брезгливость, ненависть...

– Так прикоснись ко мне! Если не брезгуешь – прикоснись! – я словно с ума сошла. Почему-то мне безумно важно, чтобы Влад доказал, что я ошиблась.

– Уймись! – нахмурился он. – Лучше работой займись, и выброси дурь из головы! Иди и свари мне кофе, тебе подскажут, как пользоваться кофемашиной.

Влад снова отвернулся... да что он там высматривает, в этом окне? А на меня что нашло? Я ведь спокойная обычно, неконфликтная, а сейчас сама нарываюсь, напрашиваюсь на грубость. Может, Влад и правда наладить все хочет? Он ведь решил помочь маме, пусть и говорит, что ему на нее плевать, но это ведь невозможно! Он до тринадцати лет жил с ней, и не мог так просто вычеркнуть ее из своей жизни. Любит, просто не хочет признаться себе в этом.

– Пока не поздно, наладь отношения с мамой. Она иногда приходит в сознание, и вполне может разговаривать. Знаю, Евгений Александрович настроил тебя против нее, но оставь все это, ты ведь ее сын. Не будь таким упертым, потом жалеть будешь, поверь! – прошу его тихо, оставив обычную ругань. О главном прошу, позабыв все остальное – мелкое и незначительное.

Я, как заколдованная, осторожно прикасаюсь к нему, невесомо опускаю ладонь на его спину, обтянутую светлой футболкой, чувствуя что-то невероятное – смятение, дрожь, взрыв. Прижаться хочу всем телом к нему – горячему и близкому, обнять, впитать его силу. Сбежать хочу как можно дальше, выбросить странные мысли и желания из головы и сердца.

И заплакать, разрыдаться от того, что сама себя не понимаю.

Влад замер, он почти не двигается. Спина напряжена под моей ладонью, и кажется, что сейчас он развернется, и ударит меня. Или вышвырнет прочь... хорошо бы!

– Отец не настраивал меня против матери, она сама прекрасно с этим справилась. Я больше не собираюсь обсуждать глупости, и отвечать на твои бесконечно повторяющиеся вопросы: «Почему ты хочешь, чтобы я работала у тебя?», «Почему ты не любишь мамочку?». Ответы лежат на поверхности, Вера, стоит лишь подумать. А теперь свари мне чертов кофе!

Отдернула руку, развернулась, и вышла из кабинета. У Влада талант все портить.

ВЛАД

– Вот, – Вера избегала моего взгляда, когда поставила передо мной чашку кофе. Встала, как примерная ученица, сделав два шага назад от стола, и даже голову опустила.

Ну чисто прогульщица в кабинете директора.

Поднес чашку к губам, смутно подозревая, что кофе ее – мерзость, но, на удивление, он оказался вполне сносным. Даже странно, я уже смирился, что придется пить дрянь каждое утро, а Вера оказалась не так безнадежна.

– Молодец, – похвалил девушку, и поймал резкий взгляд из-под ее длинных ресниц. – Надеюсь, ты ничего не подсыпала мне? Мышьяк, стрихнин?

– Какая жалость, но нет, не подсыпала... хозяин.

Язва. И откуда что взялось? Была ведь тише воды, ходила, паинькой притворялась, а сейчас вижу – она далеко не девочка-одуванчик, которой пыталась казаться в детстве. Та еще оторва, которая дерзит, даже находясь в заведомо проигрышной ситуации для себя.

– Я могу идти? Твоя бравая Лариса сказала, что я должна обратиться к программисту, чтобы он дал мне какой-то доступ.

– Иди.

Какой-то доступ... мда, секретарша моей мечты. Может, плюнуть на все, и выставить Веру вон? К черту месть, столько лет прошло... нет. Не смогу все оставить так, как оно есть.

Девчонка заслужила.

– Можно? – Лариса заглянула ко мне, и после кивка подошла к столу, протягивая лист. – Вот приказ, и, Владислав Евгеньевич, я не знала, что Вероника ваша сестра. Боюсь, я была резка с девушкой, надеюсь, она не жаловалась на меня? Если да, то я готова принести извинения.

Вероника. Имя бьет по нервам – имя моей настоящей сестры. И в приказе это же имя: Вероника Евгеньевна Гарай.

Какого, мать ее, хера?

– Паспорт ее дай.

– Вот, – Лариса торопливо протянула бордовую корочку, которую я открыл, и убедился, что глаза меня не обманывают.

Вероника Евгеньевна Гарай.

Я и не думал, что все зашло настолько далеко, что Вера и в документах присвоит имя сестры. Сминаю паспорт в ладони, и Лариса пятится к выходу – не привыкла она к моим вспышкам.

Бешенство накатывает волнами, бьется о скалистый берег и точит скалы. Убил бы суку!

– А дата рождения? Вера и ее украла?

Открываю измятый документ, и нервно смеюсь – нет, хоть день рождения моей сестры она не присвоила, хоть что-то у Вероники свое останется.

– Алло, Виктор, Влад Гарай. Можешь узнать про мою приемную сестру все, что нароешь? Раньше носила имя Вера, сейчас Вероника Гарай, – быстро проговариваю я в трубку знакомому эсбэшнику. – Паспортные данные нужны?

– Добрый день. Нет, не нужны. Время терпит, или срочно?

– Терпит, но желательно поскорее.

– Принято.

Коротко и ясно. Скоро я узнаю о Вере все, правда, я не думаю, что жизнь ее была богата событиями – не в этом городе. Я даже могу предположить, что прочту в досье: родилась в семье маргиналов, затем ее либо отдали в приют, либо изъяли из семьи, а затем Веру удочерила Надежда Гарай.

Но имя? Имя зачем было менять? Это ее идея, или безумной мамы?

Или какой-то новый вид жестокости – брать имя той, в чьей смерти виновна. Сама Вера убила Нику, или помог кто из той банды, с которой она с малолетства ошивалась – мне плевать. Но одно я знаю точно: никогда не смогу забыть тот день, в который и отец и мать были на нервах, и ввали что сестра уехала к бабке, чтобы я не волновался о ее пропаже. А затем нашли мертвую – на той конюшне, со следами удущья на шее, и следы эти были от детских ладоней.

А по всему телу ссадины и грязь.

– Чертова сука! – смахнул чашку недопитого кофе на пол, и уставился на осколки и брызги, которые Вере и убирать. И план формируется в голове:

Я приближу ее к себе. Узнаю так хорошо, как смогу – что любит, что ненавидит, о чем мечтает и к чему стремится. Как и слабости ее пойму, а затем уничтожу.

Заслужила.

– Вера, зайди, – включил громкую связь, и через долгую минуту она вошла. Торопиться даже не думала, посмотрела с явным неудовольствием мне в глаза, а затем с возмущением на осколки. – Рукой махнул, и разбил. Нечаянно. Будь другом, приберись.

– Думала, что секретарем буду.

«Я тебе не уборщица» – кричит вся ее поза, хотя сомневаюсь, что Вера белоручка.

– Пожалуйста, – улыбнулся самой милой улыбкой, которую смог из себя выдавить, и девушка вдруг смягчилась.

Ее как подменили. Улыбнулась в ответ робко, опустила глаза, и кивнула.

– Сейчас. Влад, – обернулась, прежде чем выйти, – надеюсь, ты не каждое утро будешь колотить посуду. Говорят, это на счастье, но думаю, счастье битая посуда приносит лишь ее продавцам – чаще покупают.

Вера вернулась через пару минут, держа в руке маленький таз с водой и резиновые перчатки. Наклонилась над полом, и начала собирать осколки – крупные и мелкие, приглушенно ругаясь, когда не удавалось ухватить их из-за неудобных перчаток.

– Почему разбушевался?

– Нечаянно, Вера, я же сказал.

– Да, так нечаянно, что чашка отлетела чуть ли не на противоположную сторону кабинета. Верю-верю... ай!

Вера вскрикнула, сжала ладонь в кулак, а я подскочил, как кретин, от ноток боли, прозвучавших в ее голосе.

– Порезалась, – Вера, морщась, начала стягивать перчатки, и я заметил небольшую капельку крови на большом пальце. – Черт, ненавижу все это.

– Кровь?

– Да, – кивнула она. – Кровь.

– Оставь это, я сам уберу. В приемной должна быть аптечка, обработай рану.

Вера с сомнением, даже с иронией посмотрела на меня, но спорить не стала, как сделала бы другая. Тихо, неслышно почти, вышла из кабинета, оставив меня одного.

Опустился на пол, и сам принялся собирать осколки, пачкая руки кофейной жижей. Докатился совсем и окончательно, но мне нужно было остаться одному. И подумать как следует.

Вере было шесть, Нике восемь. Как Вера могла задушить сестру? Как? Она совсем ребенком была, да и слабее Ники. Что-то не сходится, не складывается в единый пазл, и я снова жалею, что не проследил в тот проклятый день за ними. Шел за сестрой и этой малявкой до поворота на пустырь, а затем обратно повернул – противно стало слушать глупый треп и детские страшилки.

Но ушли они вдвоем, а нашли Нику через сутки, заваленную кирпичами и со следами удушения, а Вера, маленькая лгунья, врала всем, что не видела сестру. А значит... значит, это она.

И хватит об этом думать.

Глава 6

– Ника, – прошептала мама, и я крепче сжала ее сухую, горячую ладонь – такую маленькую и хрупкую. Кажется, что если хоть немного силы добавлю, и сломаю, раскрошу, как засохший бутон цветка.

– Вера, мама. Я Вера, – впервые за всю жизнь поправила я ее.

– Вера? Верочка, ты пришла. Как ты, детка, не болеешь?

Сердце забилося быстрее от дикой радости, что мама узнала, и от шока – никогда она меня Верой не называла. Вернее, называла лишь когда я с Никой дружила, и в детском доме, в который приезжала, присматриваясь ко мне.

А потом я стала Никой, на которую привыкла откликаться, но внутри, про себя, я всегда помнила, кто я, хотя и уверена была, что мама забыла.

Нет. Она помнит. И улыбнулась мне, слегка приоткрыв глаза – почти ясные, дающие надежду, что поправится, и домой вернется.

– Не болею, мам. Мне лучше, намного лучше, смотри, как я поправилась. Того и гляди стану толстушкой, – ответила я и смеюсь, и плача.

– Витамины... не пей их больше – те, что я давала тебе. Не пей, Вера!

– Что?

– Витамины, – повторила мама. – Больше не принимай их, поняла?

Сглотнула тяжело, и кивнула. В душе тягучее разочарование разливается – все же, мама не в себе, раз про эти витамины, которыми пичкала меня, заговорила. Только раньше слова ее другими были: что без них мне не справиться, а сейчас... сейчас она снова бредит.

– Обещай!

– Обещаю, мама. Не буду их принимать, – тихо ответила я, и решила рискнуть: – Мам, Влад вернулся. Ты помнишь его? Он лечение оплатил, тебя скоро в Израиль отправят, только я не смогу с тобой полететь, не получается... долгая история. Но главное, что тебе обязательно помогут! Врачи наши с тобой полетят, сиделки, а затем ты домой вернешься. Слышишь, мам?

Выпалила все это горячо, всю душу вкладывая в каждую фразу. В каждое слово и букву. Наполнила верой, что так все и будет, ведь говорят же, что слова силу имеют, так пусть хоть раз и мои слова станут пророческими. Ну хоть раз в жизни!

– Влад?

– Да, мам, Влад. Он вернулся, и он оплатил перелет, операции и лечение. Только, – замялась, понимая, что придется солгать, – Влад пока не может тебя навестить, он... он наездами в городе, по области ездит. Но он обязательно придет...

– НЕТ! – мама напрягла шею, пытаясь поднять голову с низкой, почти плоской подушки, но не справилась с этой задачей. – Нет, Вера, пусть не приходит. И, милая, не верь ему. Что бы он не говорил тебе – не верь. Гнилое семя, он как мой отец, весь в него пошел. Такой же... не пускай его ко мне, и, главное, не верь ему! Обещай...

– Мама, мамочка, – я наклонилась над кроватью, обхватила хрупкие мамины плечи, ощутив ее дрожь, и не понимала, что делать – звать на помощь? – Мам, успокойся, я обещаю. Все, что угодно обещаю. Никакого Влада здесь не будет, все хорошо, слышишь?

– Влад – он лжец! Каждое слово – обман, запомни это. Лучше бы у меня случился выкидыш, лучше бы я аборт сделала, – бормочет мама, и мне подлю хочется, чтобы она замолчала, чтобы перестала произносить эти ужасные слова. – Лучше бы у меня была только Ника.

Она не в себе, она бредит, и я не должна злиться. Это ведь как сердиться на крик роженницы, которая не может не кричать. Как злиться на пациента, которому ногу ампутировали без анестезии, за дикие вопли – также бессмысленно и жестоко. Но я злюсь и ничего не могу поделать с собой.

Мама ужасные вещи говорит. Неправильные, дикие, и непонятные мне, хотя бред может лишь психиатр понять.

– Я пойду, – взглянула на часы, – сейчас итак выгонят. Завтра приду, только теперь я не смогу дважды в день тебя навещать, но каждый вечер я буду с тобой.

– Хорошо, детка, иди. И, Вера, – мама попыталась сжать мою ладонь, но я почувствовала лишь слабое поглаживание подушечками пальцев, – прости меня за все.

– Глупости! Не за что мне прощать тебя!

«Это ты прости, мама, – задохнулась я от терзающих меня воспоминаний. – Это ведь я потащила Нику в ту конюшню. Это я убежала и лгала, пока она лежала там бездыханная. Попыталась вытащить Нику, но поздно уже было. И все же, я виновата и перед тобой, и перед ней. Только повиниться у меня смелости не хватит никогда».

– Есть, Вера. Я испортила твою жизнь... прости.

– Прощаю, – кивнула, чтобы маме полегчало, и она улыбнулась, прикрывая глаза.

– А Влад не простил, и никогда не простит. Как и Вероника, – прошептала мама, погружаясь в свой нездоровый сон.

А я снова сбежала, подальше от этих слов, частично мне понятных.

Голова кругом шла, пока я брела по унылым, уродливым в своей безнадежности больничным коридорам, в которых каждая стена пропитана страданием и отчаяньем. Витамины... почему мама за них зацепилась? Всегда ненавидела их, хоть и безвкусные они, и небольшие, да и у врачей, по которым меня мама таскала, приходилось принимать гораздо более невкусные лекарства.

Но витамины эти я лютой ненавистью ненавидела, и даже не заглядывала в аптечку, когда маму забрали. Не принимала их, и когда мама заговорила, почувствовала укол вины. Она столько сил потратила на мое здоровье, давшее слабину после голодного детства, а я так бездарно отношусь к себе.

Может, мама имела в виду, чтобы я не забывала их принимать? Может, оговорилась?

– Скорее всего, – сказала с неудовольствием, зашла на кухню, и открыла дверцу шкафа, где стояла белая пластиковая банка. – Пора быть ответственной, Вера!

Достала пилюлю, затем, подумав, добавила к ней еще одну, и запила их водой.

Мама была бы довольна.

– Вера, кофе, – набрал по селекторной связи, и в ответ донеслось:

– Снова будешь чашками швыряться? Ладно-ладно, Влад, – она уловила в тишине угрозу, и тихо хмыкнула. – Сейчас устрою.

Это «сейчас» растянулось, как и водится у Веры, на десять минут. Но вот она зашла в кабинет – бледная, кудри стянуты в пучок, но глаза наглые. И только сейчас в голову мысль пришла: а не травит ли она меня также, как мать травила?

Подсыпала мне какую-то дрянь, название которой я забыл, а потом сама же и лечила, и лишь в эти моменты я внимание от нее получал. Может, Вера такая же психопатка?

Нет, вряд ли.

Но ее мать, видно, не травила, раз жива до сих пор. Только мне такое «счастье» досталось, как Ники не стало.

– Я, кажется, сказал тебе, чтобы одевалась нормально.

– Не голая ведь пришла! Да что не так? Нет у меня таких шмоток, как у твоей Ларисы, – скривилась Вера. – И вообще, секретарь – лицо фирмы, так? Какая фирма – такое и лицо. Пей.

Очень ласково, я в восторге.

– Еще будут указания, хозяин? – продолжила паясничать Вера, а у меня в голове картина, и картина эта до одури приятная: подозвать наглую девчонку ближе, схватить, ломая сопро-

тивление, завалить к себе на колени, и выдрать как следует по заднице. Так, чтобы горела, чтобы сидеть было больно...

... чтобы следы мои на ее коже остались.

– Сядь, Вера, – кивнул на кресло. – Сядь, и Расскажи, как жила все эти годы. И о себе Расскажи.

– Зачем?

Удивление ее искренне, мне удалось сбить девчонку с толку. Рассчитывала ведь на банальную перепалку, чтобы снова просить меня уволить ее. Или чтобы я сам не выдержал, и выставил паршивку вон.

Думает, я совсем дурак, что поведусь на этот детский сад?

– Потому что я так хочу. Рассказывай.

– Нечего рассказывать. Родилась, жила, сейчас у тебя работаю. Захватывающе, не правда ли?

Сделал глоток кофе, и по телу наслаждение разлилось, до ужаса странное. Вкус обычный, но то, что именно Вера варила этот... дьявол, нельзя об этом думать!

– Мне из тебя клещами все вытаскивать? Вера, рассказывай, давай. Хочу знать, как ты жила со своей семьей, как в приюте оказалась...

– Это не та тема, о которой мне приятно говорить.

– А мне плевать. Потерпишь.

Послушаю Веру, и сравню с тем, что мне пришлет Виктор. И упаси ее Бог солгать мне в какой-либо мелочи!

– Я родилась во Владивостоке, – Вера вздохнула, провела пальцами по напряженному лбу, будто так ей легче станет. – Мама рано меня родила, ей было девятнадцать. А потом мы переехали...

– Почему переехали?

– Потому что, – недовольно ответила Вера, а глаза ее уже затуманились – вспоминает, наверное, – мама из простых была, детдомовская. А отец из богатой семьи, насколько я помню... хотя, я мало что помню. Все уверены были, что мама ухватила за отца из-за денег, из-за дорогой квартиры, чтобы примазаться к местной элите, а мама просто любила.

– И?

– И все закончилось не так, как в сказке. На меня косо смотрели – кто-то жалел меня, будто я плод позорной страсти, кто-то откровенно недолюбливал. И отец не выдержал. Развелся с мамой, и мы съехали... не хочу об этом говорить, – резко возмутилась Вера, укол меня острым взглядом из-под длинных ресниц.

– А придется. Куда съехали? И как здесь оказались?

Сам не знаю, зачем допрашиваю ее. Узнать хочется нестерпимо – как жила, чем, как так вышло, что дочь богатого отца оказалась в детском доме, а затем в нашей семье, которую семьей называть противно.

И хочется, чтобы солгала, чтобы не сошелся ее рассказ с правдой, которую я узнаю. И наказать Веру за ложь – даже за такую пустячную, которая гроша ломаного не стоит.

– Отец женился, вот почему. На ровне женился, мама меня в ЗАГС потащила – это я помню, – тихо ответила девушка. – Я совсем маленькой была, года четыре, вроде. Стояли напротив ЗАГСа, ветер был жуткий, листья помню опавшие – много их было, и эти прелесть желтые листья от ветра меня по лицу били. А мама держала меня за руку, стояла, и ждала, пока они выйдут. Еще платье помню у новой жены отца – красивое, пышное, оно блестело, хотя солнца не было видно, и я лишь тогда нить перестала, заглядевшись на это платье.

Перед глазами маленькая девочка – я ведь помню ее, хорошо помню, хотя увидел, когда ей шесть лет было. Увидел одетую как попало, явно с чужого плеча худую девочку, которая все

с мальчишками носилась, и по фонарям из пластикового пистолета стреляла. А затем с Никой сдружилась, и видеть ее я стал чаще, почти каждый день.

– И вы уехали? Твой отец... он не интересовался тобой?

– Интересовался сначала. Приходил к нам, играл со мной, в кафе водил, в парки, – Вера болезненно скривилась, но не с отвращением, а... непонятно. С болью, с обидой застарелой, что до сих пор в ней живет. – Даже к себе иногда забирал – в тот дом, где мы раньше все вместе жили, но... не сложилось. И мама не рада была, что я с ним время провожу, и его новая жена. Да вообще никто не рад был, и отец стал реже приходить, а потом мы уехали. Сели в поезд, и оказались здесь. Я ведь сказала, что история неинтересная.

– Отчего же? Мне интересно, – заспорил я с Верой, которая еле сдерживалась, чтобы не послать меня к черту, или еще дальше. – И что случилось с твоей матерью? Почему она тебя отдала?

– Не отдавала она. Мама... она не выдержала, не умела сама жить, – Вера отвернулась, из пучка локонов выскользнул, скрывая от меня ее лицо, и вдруг до боли захотелось подойти, стряхнуть его. Или пропустить сквозь пальцы, и обхватить ее лицо руками, заставить в глаза смотреть. Всегда смотреть мне в глаза!

– И?

– Тебе не понять, ты не был в детском доме, – прошептала девушка. – Я пытаюсь маму понять, и иногда получается. Она с рождения там была – брошенная, не нужная никому. Индивидуальность выбивается в таких местах, и в восемнадцать ты оказываешься один на один с этим миром, о котором ты ничего не знаешь. Вот мама и оказалась, только отца встретила, но и ему она оказалась неважной, раз сдался так легко. Хотя и любил, я помню, что любил. А потом мама уехала – одна, с маленьким ребенком на руках. Оказалась в незнакомом городе, и не выдержала.

Мать Веры я помню смутно. Мне, подростку, она казалась взрослой, но сколько ей было? Двадцать пять? Двадцать шесть? Что-то около того. Уставшая, изможденная женщина с пустым взглядом и вечным запахом алкоголя, которым она пропитана была.

– Она не отдавала меня в детдом, меня забрали у нее, – прошептала Вера. – Мама... она обещала, что вернет меня, что встанет на ноги, и даже навещала пару раз. Сначала навещала. А потом пропала.

– С ней случилось что-то? – я не мог успокоиться, пока не выясню все, пока не измучаю Веру окончательно. Она стала еще бледнее, выглядит так, будто сейчас в обморок упадет, и... может, прекратить этот допрос?

Нет.

– Все они пропадают, – жестко ответила она, сев прямо. – Являлась пьяная, плакала, обещания давала, и я верила ей. Что заберет, что дом снова на дом будет похож, а не на притон, в который он превратился – со всеми этими людьми, которых мама таскала к нам. А потом я поняла, что лучше не станет, лишь хуже, и что в детдоме мне спокойнее, чем с ней. Когда она перестала приходить, я была готова к этому – так со многими детьми случалось.

В голосе Веры больше нет эмоций – она суха, сдержанна, говорит так, будто ее не трогает это, но ведь такого быть не может: отец бросил, мать предала. Это не забывается никогда.

И не прощается.

– Что сейчас с твоей матерью?

– МОЯ мать лежит в больнице, а что с другой – я не знаю. Вроде бы она уехала. Я ничего о ней не слышала, – резко бросила Вера. – Это все? Дальше ты знаешь, в детском доме я пробыла год с небольшим, а потом мама меня забрала.

И та – мама, и эта. Ту звали... как же ее звали? Яна, кажется? Да, Яна.

– Это все, иди, Вера.

Она встала, не глядя на меня пошла к двери, у которой обернулась вдруг, и мне даже показалось на миг, что вернется. Подойдет, как в прошлый раз, и прикоснется. У меня до сих пор ожег на спине от ее руки – ядовитой, как я и представлял.

– Знаешь, Влад, ты выбрал странный способ наладить наши отношения. Обычно так с врагами поступают, а не с друзьями.

Сказала, и вышла, не дожидаясь моего ответа.

– А ты и есть мой враг, – тихо сказал я пустоте.

Соврала мне Вера хоть в чем-то, или нет – скоро узнаю, но одно я выяснил точно: прощать она не умеет.

Также, как и я.

Дурнота не отпускает весь день. Я как в тумане, как после убойной дозы алкоголя, что было единственный раз в моей жизни, когда Катя потащила меня в бар. Чувство это давно забытое, как привет из недавнего прошлого, полного болезней и недомогания – моих постоянных спутников.

Да и настроение, мягко говоря, так себе: сначала Влад с его допросом, и это так он пытается наладить отношения?! Но самое неприятное – работа, легкая, по сути, но не создана я для офиса. Принтеры, сканеры, электронная почта, бесконечные звонки и письма, и все из рук валится, а головоломка из расписания встреч Влада, доставкой воды, канцелярских предметов, и прочей чепухи, сводит с ума.

– Я безмозглая курица, – шепчу себе под нос, идя от мамы.

Сегодня она снова не узнала меня – Веру, видя перед собой Веронику. Каждый раз это имя бьет по моим нервам, по совести моей, разрывая на части то, что еще осталось от меня настоящей. И эти бесконечные «прости» от мамы, адресованные мне, Веронике, Владу... у него-то за что прощения просить?

То твердила, чтобы я ему не верила, то плакала, лежа без сил, и лишь одно слово, проклятое слово с ее губ срывалось:

– Простите.

Боже мой! Я просто не вынесу этого!

– Скорей бы все это закончилось, – пнула камешек с дороги, и не промазала, попал он точно в цель – в ногу Кирилла, идущего мне навстречу.

– Ника...

– Вера!

– Прости, – сказал он, а я зубы сжала от злости – ненавижу уже эти чертовы извинения, аллергия выработалась. – Вер, я дурак.

– Есть такое.

– И не должен был так себя вести, – продолжил парень. – Нашло что-то. Ты такая красивая, вот я и подумал, что...

– Что я на все согласна, и радостно раздвину перед тобой ноги, да?

– Не так грубо, но суть ты уловила. Обещаю исправиться, больше приставать не буду, пока сама не попросишь, – Кир обаятельно улыбнулся мне – так, что я невольно смягчилась.

Ну и чего я, в самом деле? Не изнасиловал бы он меня, просто распалился, увлекся. Бывает. Почему-то я уверена, что Кирилл не зашел бы далеко против моей воли, не такой он человек, чтобы принуждать к сексу.

Надеюсь.

– Ладно, забудем. Куда идешь?

– Слонялся без дела, лето же, – пожал парень плечами, – учебы нет, подработка у меня на несколько дней в неделю. Антон с Катей твоей зависает, остальные разъехались: на море, в деревню, или с подругами своими гуляют. Я вот один. И ты тоже одна.

– Какое тонкое наблюдение! Браво!

Я стояла, ждала из интереса, что скажет Кирилл, и он моих ожиданий не обманул.

– Может, сходим куда-нибудь? В кино, в бар, или еще куда, – он засмутился, как подросток. – Если ты сейчас свободна, конечно. Я плачу.

– Пошли. Куда сам хочешь, мне неважно, – решила я после секундной мысли, что домой мне не хочется.

Этот день чуть не прикончил меня, хоть ничего страшного и не произошло. Но одной оставаться... нет, так рисковать я не стану. Думала пойти к Кате, но раз она со своим Антоном, лучше не мешать подруге, у которой, в отличие от меня есть личная жизнь.

Да и Кирилл мне нравится. Может, выйдет у нас что-нибудь.

– Давай в бар, – предложил парень, взяв меня за руку. – Выпьем, расслабимся, получше узнаем друг друга. Обещаю, что не стану тебя спаивать, и пользоваться ситуацией.

– Верю, Кир, расслабься, – рассмеялась от этого паникерства.

– Да я все боюсь, что ты думаешь, что я маньяк какой-то.

Нет уж, до маньяка тебе далеко. Просто милый мальчик, который временами пытается казаться плохим, вот только не выходит. Умильное зрелище, сравнимое с тем, как маленький котенок шипит, подражая взрослому, злому коту. Вот и Кирилл иногда так себя ведет, включая «бэдбоя».

– Зайдем? – кивнул он на бар.

– А тебе по карману? Здесь вроде дорого, центр города ведь.

– Гулять, так гулять, – высокомерно произнес Кирилл, и я тихо фыркнула – то, о чем я и думала.

– Ну, как скажешь.

Дурнота начала проходить, хоть до хорошего состояния мне было далеко. Надеюсь, я не заболею снова: раньше обо мне мама заботилась, а сейчас, если я слягу, никто не будет подходить ко мне каждые десять минут, никто не станет мерять температуру, пичкать гадкими лекарствами и варить бульоны.

– Что тебе заказать?

– Не разбираюсь в этом. Закажи на свой вкус, – попросила я Кирилла, вспомнив его «гулять, так гулять». Хоть отвлекусь. Алкоголь, говорят, помогает. Или добивает.

Кирилл подозвал бармена, который перегнулся через стойку, и заказал напитки для нас обоих.

– Как работа? И Влад... он, надеюсь, не подумал ничего плохого про нас?

– Влад про всех думает плохо, забей. Не думай о нем.

– Просто он твой брат, – замялся парень, – и та сцена, то, как он выставил меня... он не запретит нам общаться?

Боже мой!

Запретит? Влад?

Ха!

– Кир, я совершеннолетняя, дееспособная, и Влад мне не опекун. Он может запрещать мне что угодно, вот только я пошлю его к черту, – проговорила с удовольствием, и даже захотела, чтобы Влад мне что-то запретил.

Ах, с каким удовольствием я бы показала ему фак!

Странно у нас с ним складывается. Первая встреча была ужасной, она все соки из меня выжала, а потом он извинился. Затем новый скандал, и снова извинения. Теперь это утро, в которое он с таким наслаждением впитывал болезненные для меня воспоминания... не понимаю ничего.

Его не понимаю. Себя тоже не понимаю – почему сижу в баре с Кириллом, и думаю об этом подонке, который сам с собой не в ладах..., а ведь и правда. Владу трудно с самим собой, вот он и ведет себя как скотина.

– И он мне не брат! – веско сказала я, допивая коктейль – сладкий, и на удивление вкусный.

– Еще?

– Давай, – подмигнула Киру, и он снова сделал заказ.

А затем еще, и еще, и еще. Разговор, наконец, перетек в другую плоскость, и без постоянных упоминаний про Влада стало намного легче и терпимее. Веселее стало – так, как и должно быть молодой девушке в компании симпатичного ей парня.

– И почему мы раньше никуда не выбирались? Ты классная, – Кир сказал это искренне. Не так, как раньше, когда смотрел на меня, ожидая что я ему на шею брошусь, и соглашусь поразвлечься. – Ходила, как монашка, в школе почти не бывала, не гуляла.

– Я болела, Кир. Да и не смотрел ты на меня в школе.

– Смотрел бы чаще, если бы ты приходила на уроки. Подожди, ты болела?

Поморщилась от гадких воспоминаний – о болезнях, и о школе, которая еще хуже была. Учиться я любила, но школа была адом, из-за которого я безропотно принимала мамины лекарства, и позволяла укладывать себя в кровать на недели.

– Здоровье слабое.

– Я думал, ты прогуливала, по тебе не скажешь, что со здоровьем беда.

– Сейчас все хорошо, тьфу-тьфу. А раньше... раньше не очень было.

Раньше было непонятно что. Мучительные головные боли сваливали меня с ног, но рентген не показывал отклонений, желудок отказывался принимать нормальную пищу, и приходилось питаться детскими пюре, а врачи лишь руками разводили.

Хорошо что все это позади, лишь в этом плюс от маминой болезни – что я сама выздоровела, словно она мне последние свои силы отдала. И я бы отдала ей свои.

Если бы могла.

– Главное, что сейчас все хорошо, – Кир незаметно для меня оказался очень близко – так, что его дыхание я почувствовала на своих губах. Миллиметр до поцелуя, доля секунды то того, как я влеплю ему пощечину. – Вера, ты такая красивая... Боже, ты даже не представляешь, какая ты! Всего один поцелуй, прошу.

– Кир...

– Мы в баре, я не трону тебя. Не посреди толпы ведь, – горячо прошептал он, и прикоснулся к моей обнаженной шее. – Все остальное будет, если сама захочешь. Вер, зачем ломаться, ты ведь не девочка, а поцелуй я заслужил...

– Руки убери от нее! – прорычал знакомый голос. – Твою мать, Вера, какого хрена ты творишь?

Вскакиваю от шока – как он здесь оказался? Преследует меня не только на работе, но еще и в иной жизни – той, которая его не касается?

– Ты...

– Ты напилась, – перебил Влад.

Оперлась рукой о барную стойку, а Кирилла уже след простыл. Но я не пьяна! Да, мир немного качается, но это даже весело.

– Иди к черту, Влад, вечно ты все портишь. Иди куда шел, и не мешай мне отдыхать, – бросила я, и крикнула бармену: – Еще коктейль... нет, два коктейля. Три!

– Наследственное, да? Выпивка, а потом по рукам пойдешь?

Лучше бы я этого не слышала.

Какой же он мудака!

Развернулась от барной стойки так резко, что в глазах потемнело от резко навалившейся дурноты, отступившей было после вкусных коктейлей, и наступила чернота.

Глава 7

ВЛАД

Я не должен к ней прикасаться. Это предательством кажется. Предательством по отношению к Веронике. Но когда Вера начала падать, я подхватил ее на руки, и вытащил из бара, в который заглянул, чтобы отвлечься.

И увидел ее с этим мелким, смутно знакомым гандоном. Он свалил почти сразу, ссыкло.

Кожа горела, я сам горел, когда затаскивал Веру в машину, и когда поднимал ее в отель, минуя менеджеров, сделавших вид, что ничего не заметили.

Тоже твари продажные, плати бабки, и твори что хочешь. И плевать им, что девчонка, которую я нес на руках, может не по своей воле со мной быть.

Паскудный, проклятый городишко.

– Пусти, я сама, – невнятно пробормотала Вера, и через секунду я положил ее на свою кровать. На самый край, чтобы не прикасаться больше, чтобы не чувствовать этот аромат, который даже алкоголь не перебил.

– Какого хрена ты так нажралась?

– Я не так уж много выпила, коктейли не крепкие были... где мы? – Вера перевернулась на бок, я не вижу, но чувствую ее взгляд – острый, жалящий, под кожу проникающий, и глубже.

В самую душу, которую я сказкой для тупиц считал. Но, видимо, она есть, и она ноет, скулит, как избитая собака, просит о том, что я не могу дать.

– У меня.

– Я домой, сейчас...

– Лежи, ты в хлам накидалась. Утром отвезу тебя домой пораньше, а потом на работу. Даже не надейся на выходной.

– Я ни на что не надеюсь, Влад. Уже давно.

И так это прозвучало, что в голос заорать захотелось, чтобы замолчала, чтобы просто уснула. Чтобы убиралась на хер.

Сука, ненавижу!

– Я немного полежу, и уеду, – упрямо повторяет Вера. – И я не пьяна.

– Ты упала посреди бара, как последняя забулдыга. Лежи тихо, Вера, просто заткнись.

Все время забываю, что нужно мягче с ней. План ведь был так прост: подружиться, найти слабое место, и ударить так, чтобы потом всю жизнь себя по кусочкам собирала, но все-равно бы не смогла. Но сейчас она, как все бухие, устроит скандал, или молча обидится еще сильнее за мою грубость.

– Спасибо тебе, – вместо всего того, что я надумал, сказала Вера тихо.

– За что?

– За то, что оказался в баре. Кирилл, – кулаки непроизвольно сжимаются от упоминания этого обсоса, – не самый надежный человек, и всякое могло случиться. Но я правда не...

– Да-да, ты не пьяна. Только коктейли, Вера, те, что девочки пьют – они обманчивы. На вкус сладкая мерзость, градус почти не чувствуется, этим и пользуются. В следующий раз будь умнее, если не хочешь, чтобы тебя набухали, и пустили по кругу в грязном туалете. И лучше пей водку, она честнее.

– Ты меня не слышишь. Впрочем, как обычно.

И снова эта чертова потерянности в голосе бьет под дых противоречивыми эмоциями.

Может... черт, может, Вера не виновата в смерти Ники? Ей ведь шесть было! Шесть! Да, такие дети, как она, растущие как беспризорники, они взрослеют быстрее. И сама Вера шлялась с такими же детьми алкашей и наркоманов – ненужными ни родителям, ни государству. Сейчас многие из них, из друзей ее детства, скололись, или по этапу пошли.

Но вдруг она не виновата? Про свое прошлое она не сказала ни слова лжи, я проверил – Вера, – оперся руками в кровать, и навис над ней – хрупкой и беззащитной подо мной, – в тот день, когда Ника умерла, что случилось?

– Не знаю, – выдохнула она испуганно.

– Ты была с ней, я видел. Зашла за сестрой, и вы пошли на старую конюшню. Расскажи, что с ней случилось! Прошу, Вера, расскажи мне, я должен знать!

Прошу безмолвно: «Скажи мне правду! Не надо лжи, просто признайся, и я постараюсь понять. Ты ребенком была, но скажи правду!»

Но вместо правды я снова слышу откровенную ложь:

– Ты обознался, меня не было в тот день с Никой. Я ничего не знаю, Влад, клянусь. Меня полиция допрашивала, я им все рассказала: видела я Веронику за день до ее пропажи, и... все.

И все.

И голос испуганный фальшью пропитан, тут и детектор лжи не нужен – любому будет понятно, что Вера врет.

Зря спросил, идиот! Неужели надеялся, что она расскажет, выложит все, как на духу: «Да, Влад, я завидовала твоей сестре черной завистью, мы поругались, я позвала своих дружков, и мы задушили ее. А затем завалили камнями. Прости, что так вышло».

Или что-то в этом духе.

– Ясно, – ответил ей.

Хотя хотелось сказать другое слово.

Сука. Какая же ты сука.

– Не веришь мне, да? Нет, не веришь, – зашептала сбивчиво, прерываясь на испуганные всхлипы. И обхватила своими тонкими руками мою шею, калеча-обнимая. – Влад, не спрашивай меня больше о прошлом, не нужно. Мало там хорошего, на самом деле, и... просто не спрашивай.

– Я верю тебе, – ответил я ей той же монетой, что и она мне – солгал.

Забавное у нее имя – Вера, но суть – ложь.

– Хорошо, что веришь. Для всех так будет лучше, – пробормотала она невнятно, и через секунду заснула, и руки ее соскользнули с моей шеи.

Жаль.

ВЕРА

Впервые за долгое время я спала спокойно. Меня не мучили дурные сны, воспоминания о прошлом и догадки, от которых холодели кончики пальцев... эти догадки я гнала от себя всю жизнь, но во снах они приходили, и я четко понимала, в какой я западне. Утром гнала от себя все эти мысли, погружаясь в бесконечную беготню по кругу, но ночью все снова становилось на свои места.

Сегодня же я спала сном младенца, который уверен – все будет хорошо.

Обманчивое ощущение, ведь хорошо не будет. Скорее, будет больно.

Проснулась я резко, как и всегда, от чувства бесконтрольного падения, и не сразу поняла, где я нахожусь, а когда поняла, чуть не заорала. Влад лежал на противоположной стороне огромной кровати, отодвинувшись от меня настолько далеко, насколько это возможно. И лишь левая рука была протянута ко мне, почти касаясь груди, до которой всего пара миллиметров оставалась.

Даже во сне он брезговал. Думал, я не пойму, не замечу, как он шарахается от меня, словно я прокаженная?

И сердце оборвалось: Вероника. Он спрашивал про нее, он видел нас, он... знает?

– Куда? Ночь еще, спи, – совсем не сонным голосом остановил меня Влад, когда я тихо встала с кровати.

– Мне бы в душ.

Он промолчал, хотя я вовсе не в душ хотела, а убраться отсюда поскорее. Не место мне рядом с ним, обоим плохо от этого: мне душевно, Владу физически... да его корежит от меня! Наизнанку выворачивает.

Но я, слушая тишину, открываю дверь в ванную, запираюсь, и выдыхаю облегченно – одна! Боже мой, я одна!!!

Нагло, не жалея, пользуюсь мужским гелем для душа, и, подумав, нахожу новую зубную щетку. Длинное, широкое полотенце доходит ниже колен, и на одежду, валяющуюся на полу, даже смотреть неприятно – кажется, она вся пропитана тем мерзким баром, грязная, и испорченная.

– Ладно, позже надену, пусть пока волосы обсохнут, – решаю я, и тихо возвращаюсь в комнату.

– К слову, Вера, ты испортила мой вечер.

Этим словом меня встретил Влад. Снова стоит у окна, мощная фигура напряжена, и бездвигна, и давит беспощадно, чертов сын.

– Значит, мы квиты. Ты тоже мне много что испортил. Влад, есть ненужная футболка или рубашка?

– Зачем? – он обернулся, и я не увидела, но почувствовала, что он разозлился от того, что я в одном полотенце. – В шкафу возьми любую.

Хватаю первую попавшуюся белую футболку, и возвращаюсь в ванную, откуда выхожу уже относительно прилично одетая – футболка на мне висит, как балахон: широкая и длинная, она скрывает очертания моей фигуры.

– Ложись спать.

– Не хочу, выпалась.

– Странно, – он мягко приблизился к кровати, на которую я села, – обычно похмелье не отпускает так быстро.

– Я же говорила, что не пьяна! Раскачало немного, но не стоит делать из меня алкоголичку.

– Не стоит, да, ты сама с этим справишься.

Так, мы сейчас снова разругаемся! А этого нельзя допустить, раз увольнять Влад меня не собирается. Да и Вероника... Боже, что он знает?

– Хорошо, будь по-твоему, я пошла в родную мать, и через пару лет сопьюсь. На дно опускаюсь, – послушно тараторю, и быстро меняю тему на более опасную: – Ты про Нику спрашивал. Я правду сказала, не солгала. Ты не мог нас видеть в тот день, потому что этого не было. Столько лет прошло, мы с ней часто виделись, и... да, думаю, ты спутал дни. Ко мне полиция приходила, спрашивали, и спрашивали не один раз, так что если бы я была с ней – узнали бы об этом. Я просто не хочу между нами недопонимания, потому и объясняю: в тот день я не видела ее.

Боже, прости мне мою ложь. Но лучше она, чем та правда, которая больше на бред похожа, что снится мне ночами столько лет.

– Наверное, ты права. Я перепутал, – Влад опускается на пол рядом с моими ногами. Я не вижу его взгляд из-за черной, как вороново крыло, ночи, но чувствую, как жжет этот лед. – Вы близко общались, и я подумал, что мало ли..., но спасибо, что объяснила.

Он мягок. Снова дружелюбен, приветлив, но кажется, что лучше бы, как и раньше жалил меня словами, чем окутывал этой пылью.

Пылью.

Наверное, кажется, и я снова придумываю то, чего нет. Влад поверил, иначе бы не сидел так спокойно рядом со мной, а придумил бы.

На миг, на краткий, проклятый миг я очаровываюсь – этой ночью, тишиной и разлившимся спокойным смирением. И Владом, чья светловолосая голова совсем рядом, стоит лишь дотронуться... должно быть, это алкоголь, что еще отравляет мою кровь, но я так и сделала.

Протянула руку, прикоснулась, сходя с ума от его горячей кожи под моей ладонью. Провела пальцами по его скуле, по виску, по жестким волосам...

– Вера, убери... хватит!

Он дышит тяжело, чувствую, как сглатывает от... от отвращения! И бывшее спокойствие, бывшее дружелюбие испаряются. Да как Влад может, будь он проклят!

– Ненавижу тебя, понял? Ты... ты трус, ты сноб. Что, пачкаю тебя да? Такое отребье не достойно одним воздухом дышать с таким, как ты – золотым мальчиком, которому все по жизни должны?

Уже сама руку отдергиваю – током бьет, и иглами в сердце. Столько таких было, которые припоминали мне детдом и мать, опустившуюся на дно? Не счесть. И говорили... всякое говорили: вшивая, заразная, даже что СПИДом болею, ведь не может такая, как я быть обычным человеком.

И я почти забыла, но Влад напоминает постоянно, что я грязь под его ногами.

– Истеричка. Ты сама не понимаешь, о чем говоришь...

– О, я понимаю! Еще как понимаю, – вскочила с кровати, не желая больше ни минуты оставаться здесь. – Пошел ты к черту, достали меня эти качели. И в твой дурацкий офис я больше не приду, ясно?

– А я отменю перелет ТВОЕЙ мамочки в Израиль. Сделаю возврат тех денег, что перевел на ее лечение, – Влад приблизился ко мне так близко, что я не успела заметить его шагов. Застыл напротив, а я к стене прижалась. Он снова не прикасается, но будто в тисках сжимает – так, что ни пошевелиться, ни вздохнуть.

– Отменяй. И пусть это будет на твоей совести! Если она есть!

– Бешеная сучка, – прошипел он, уперся кулаками в стену, по обеим сторонам от меня. Зажал в капкан, а я от ужаса задыхаюсь. – Ты меня достала! Так не терпится, чтобы я тебя полапал? К этому привыкла, да? Так мне не жалко.

Краткий миг головокружения, наполненного ненавистью и гневом, и я чувствую не пустоту, а его руки на моей коже.

И медленно умираю.

– Влад, не нужно, я... я не то имела...

– Поздно, – отрезал он, и я пожалела, что не додумалась держать язык за зубами, и не унесла отсюда ноги. – Ты такая дура. Вздумала играть со мной?

Его сильные руки клеймят меня, сжимают талию, и мне дико страшно от того, что Влад задумал. Но эта черная ночь, эта черная близость ненавистного, по сути, человека – они что-то делают со мной. И я не пытаюсь вырваться.

– Так тяжело дышишь, – прошептал, обжигая дыханием мою щеку. – Боишься? Правильно, Вера.

– Пожалуйста, отойди, не трогай меня.

– Ты ведь сама хотела. Просила, скандалила, – Влад как в бреду, он настоящий маньяк, который поймал свою жертву, и мучает медленной пыткой, что страшнее смерти. – Мне надоело тебе отказывать. И себе.

Поддел длинную футболку, заставляя ее задраться, и теперь все по-честному, без иллюзий, без слабой защиты ткани. Всклипываю, наслаждаясь и страдая от болезненно-острых прикосновений его шершавых ладоней к моему животу, и, наконец...

– Нет, – выдохнула, и сжала ноги от прострелившего меня насквозь проклятого наслаждения.

– Да, – задыхается Влад, заставляет меня поднять безвольные руки, и снимает с меня футболку.

Пытаюсь прикрыть грудь руками, но он легко ломает сопротивление, отводит мои ладони, словно я не имею права к себе прикасаться, и, как зачарованный, снова оглаживает набухшие соски. Жимет их между пальцами, трет, уничтожает и меня, и себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.